

ГЛОБАЛЬНЫЙ ДИАЛОГ

7.3

4 выпуска в год на 17 языках

Итальянская
социология

Матео Бортолини,
Риккардо Эмилио Кеста,
Андреа Коссу,
Фламинио Сквациони,
Алиакбар Акбаритабар,
Аннализа Мурджа,
Барбара Поджо,
Массимилиано Вайра

Конец
глобальной эпохи?

Мартин Элброу

Колониальное
наследие в Косово

Ибрагим Бериша

Социология Аотеароа —
Новой Зеландии

Стив Мэттьюмэн,
Холли Торп,
Элизабет Стэнли,
Дилан Тейлор,
Роберт Уэбб

Специальные колонки

- > Вспоминая Ишвара Модди
- > Представляем турецкую команду переводчиков

ЖУРНАЛ

International
Sociological
Association
isa

ТОМ 7 / ВЫПУСК 3 / СЕНТЯБРЬ 2017
<http://isa-global-dialogue.net/>

ГД

> От редактора

Вызов глобальной социологии

Размышляя о десяти годах своей работы в МСА, я поражаюсь, насколько сильное влияние оказывает национальное на форму и содержание социологии. Интернациональная социология наилучшим возможным образом представлена у нас множеством Исследовательских комитетов, Тематических и Рабочих групп. Однако даже в них иногда наблюдается преобладание национального или регионального характера. Спонтанно, почти инстинктивно, большинство социологов группируются вокруг понятия нации, а не глобальности. Действительно, у нас есть социология глобального, однако глобальная социология в глобальном сообществе — труднодостижимая цель даже в эпоху цифровых технологий. Многие проблемы, с которыми мы сталкиваемся, — беженцы, миграция, климатические изменения, проблемы финансового капитала, коммерциализация высшего образования — имеют глобальное измерение. Даже несмотря на то, что мы изучаем их в этом измерении и продвигаем соответствующие теории, создание истинно глобального сообщества социологов представляет собой сложную задачу. С одной стороны, это связано с культурным, в том числе лингвистическим, разнообразием. С другой стороны, это результат конституирования гражданского общества, на позиции которого стоит социология, в рамках отдельных национальных государств. Кроме того, трудность представляет собой взаимодействие со сферой высшего образования, иерархической по своей структуре. Стандарты образования различны в разных странах мира, однако колоссальное неравенство в области высшего образования может наблюдаться и внутри одной страны. Действительно, если глобальное сообщество и существует, то оно состоит из связанных между собой привилегированных групп мобильных и ресурсобеспеченных космополитов, отделяющих себя от приземлённого местного населения, лишённого ресурсов.

В этом номере ГД мы обсуждаем два противоположных примера того, как национальное оказывает влияние на социологию. Итальянская социология по историческим причинам находится в раздробленном состоянии. Этому способствуют идеологические разногласия между учёными: часть социологов поддерживают Католическую церковь, часть привержена идеям Итальянской коммунистической партии, а часть является сторонниками Социалистической партии. Кроме того, с давних времён существует разрыв между Югом и Севером Италии. Если итальянская политология дискредитирована вследствие связи с фашизмом, то социологию Италии дискредитирует связь с «Красными бригадами» и другими радикальными движениями. Другой пример представляет новозеландская социология, прочно связанная с британскими традициями социальной политики, которая пытается преодолеть внутреннее колониальное наследие страны. Новая Зеландия — маленький остров, испытывающий давление со стороны Австралии — могущественной соседствующей страны со сходной историей британской колонизации.

Иными словами, глобальное влияние на социологию в общем случае происходит при посредничестве национального наследия и паттернов, воспроизводимых в рамках национального государства. Позиционирование национальных государств в глобальной структуре оказывает мощнейший эффект на формирование социологии. Опубликовано в этом выпуске интервью с Ибрагимом Беришей посвящено колониальному опыту албанцев в Косово. В другом интервью Мартин Элброу размышляет о глобальном влиянии Великобритании.

С момента выхода нашего последнего выпуска мы потеряли одного из самых страстных энтузиастов интегрирования национальной и глобальной социологии. Ишвар Моды был предан делу «Глобального диалога». Он занимался переводом журнала на хинди и был проводником интернационализации исследований досуга. Нам будет его очень не хватать, но проект, которому он отдавал свои силы, будет продолжен.

> «Глобальный диалог» доступен на 17 языках на [сайте МСА](#)
> Присылайте статьи на адрес burawoy@berkeley.edu

Итальянские социологи обсуждают борьбу за социологию в Италии.

Мартин Элброу, известный социолог, рассказывает о своём видении глобальной социологии.

Ибрагим Бериша описывает положение албанцев в Косово как колониальный опыт.

Социологи Аотеароа — Новой Зеландии докладывают о своём участии в жизни новозеландского общества.

«Глобальный диалог» стал возможен благодаря щедрому гранту SAGE Publications.

> Редакционный совет

Главный редактор: Майкл Буравой.

Заместитель редактора: Гэй Сидман.

Исполнительные редакторы: Лола Бусуттил, Август Бага.

Редакторы-консультанты:

Маргарет Абрахам, Маркус Шульц, Сари Ханафи, Винита Синха, Бенхамин Техерина, Розмари Барбарет, Изабела Барлинска, Дилек Чиндоглу, Филомин Гутьеррес, Джон Холмвуд, Гильермина Джассо, Калпана Каннабиран, Марина Куркчиян, Саймон Мападименг, Абдул-мумин Саад, Айсе Сактанбер, Сели Скалон, Савако Сирахасэ, Грацина Скапска, Эвангелия Тастоуглу, Чин-Чун И, Елена Здравомыслова.

Региональные редакторы

Арабский мир:

Сари Ханафи, Мунир Сайдани.

Аргентина:

Хуан Игнасио Пиовани, Пилар Пи Пуиг, Мартин Уртасун.

Бангладеш:

Хабибуль Хаке Хондкер, Хасан Махмуд, Джувель Рана, У. С. Рокея Ахтер, Туфика Султана, Асиф Бин Али, Хайрун Нахар, Кази Фадия Эша, Хелаль Уддин, Мухаймин Чаудхури.

Бразилия:

Густаво Танигути, Андреса Гальи, Анжело Мартин Младший, Лукас Амараль, Бенно Альвес, Жулио Давьес.

Индия:

Рашми Джайн, Джьоти Сидана, Прагья Шарма, Нидхи Бансал, Панкадж Бхатнагар.

Индонезия:

Каманто Сунарто, Хари Нугрохо, Лучия Ратих Кусумадеви, Фина Итрияди, Индера Ратна Иравати Паттинасарани, Бенедиктус Хари Джулиаван, Мохамад Шохибудиин, Домингус Элчид Ли, Антониус Арио Сето Харджана.

Иран:

Рейханех Джавади, Ниаеш Долати, Сина Бастани, Мина Азизи, Вахид Ленджанзаде.

Казахстан:

Айгуль Забирова, Баян Смагамбет, Адиль Родионов, Гани Мадьярбеков, Алмаш Тлеспаева, Куаныш Тель.

Польша:

Якуб Барщевски, Катажина Дембска, Паулина Домагалска, Адрианна Дроздровска, Лукаш Дульняк, Ян Фрыдрых, Кшиштоф Губаньски, Сара Герцыньска, Кинга Якела, Юстина Коциньска, Камил Липиньски, Каролина Николаевска-Зайонц, Адам Мюллер, Зофия Пенза, Тереза Тележиньска, Анна Вандзель, Яцек Зых, Лукаш Жолондек.

Россия:

Елена Здравомыслова, Анна Кадникова, Анастасия Даур.

Румыния:

Козима Ругиниш, Раиса-Габриэла Замфиреску, Татьяна Кожокари, Андрей Крэчун, Диана Александра Думитреску, Юлиан Габор, Александра Избэшойю, Родика Лисяну, Анда-Оливия Марин, Андрея Елена Молдовяну, Оана-Элена Негря, Мьоара Параскив, Йон Даниэль Попа.

Тайвань:

Чжин-Мао Хо.

Турция:

Гюль Чорбаджогу, Ирмак Эврен.

Япония:

Сатоми Ямамото, Масатака Эгути, Идзуми Исида.

Медиаконсультант: Густаво Танигути.

> В номере

От редактора: вызов глобальной социологии

2

> СОСТОЯНИЕ ИТАЛЬЯНСКОЙ СОЦИОЛОГИИ

Итальянская социология на заре XXI века

Маттео Бортолини, Италия

4

Грамши, чужак в собственной стране

Риккардо Эмилио Кеста, Италия

6

Итальянская социология 1945–1965, подобная двумику Янусу

Андреа Коссу, Италия

8

Интернационализация итальянской социологии, 1970–2010-е

Фламинио Сквациони и Алиакбар Акбаритабар, Италия

10

Гендерные стереотипы в итальянской социологии

Аннализа Мурджа, Великобритания, Барбара Поджо, Италия

12

Вторичная дисциплина: социология в Италии

Массимилиано Вайра, Италия

14

> ИНТЕРВЬЮ ИЗ РАЗНЫХ УГОЛКОВ ГЛОБАЛЬНОГО МИРА

Конец глобальной эпохи? Интервью с Мартином Элброу

Раиса-Габриэла Замфиреску и Диана-Александра Думитреску, Румыния

16

Колониальное наследие в Косово: интервью с Ибрагимом Беришей

Лабинот Кунушевци, Косово

19

> СОЦИОЛОГИЯ АОТЕАРОА — НОВОЙ ЗЕЛАНДИИ

Энергетическая политика в Отаутахи после катастрофы

Стив Мэттьюмэн, Аотеароа — Новая Зеландия

22

Креативные виды спорта в социальных пространствах, переживших катастрофы

Холли Торп, Аотеароа — Новая Зеландия

24

Умалчивание насилия

Элизабет Стэнли, Аотеароа — Новая Зеландия

26

Общественная активность и мир науки

Дилан Тейлор, Аотеароа — Новая Зеландия

28

Навстречу автохтонной криминологии

Роберт Уэбб, Аотеароа — Новая Зеландия

30

> ВСПОМИНАЯ ИШВАРА МОДИ (1940–2017)

Его страстью было исследование досуга

Раджив Гупта, Индия

32

Источник вдохновения и поддержки

Карл Спраклен, Великобритания

34

> СПЕЦИАЛЬНАЯ КОЛОНКА

Представляем турецкую команду редакторов

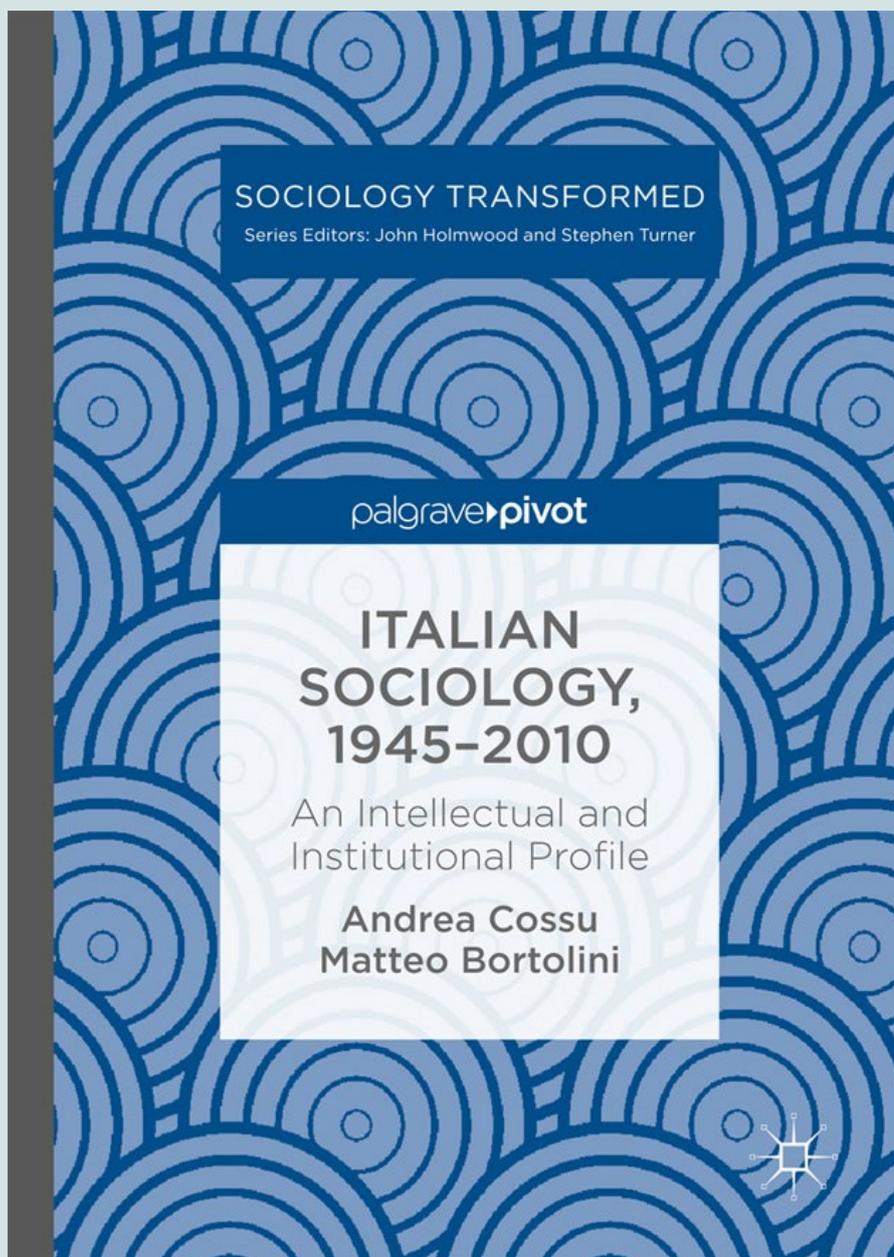
Гюль Чорбаджогу и Ирмак Эврен, Турция

36

> Итальянская социология на заре XXI века

Маттео Бортолини, Университет Падуи, Италия

Только что вышедшая монография «Итальянская социология, 1945–2010», авторы — Андреа Коссу и Маттео Бортолини.

Как мы с Андреа Коссу писали в книге «Итальянская социология 1945–2010: интеллектуальный и институциональный портрет», начало 1990-х стало концом «героического», основополагающего периода дисциплины, уступившего дорогу менее харизматичной и более профессионализированной научной практике, лучше всего описываемой как парадоксальный результат «рутинизации без стандартизации». Отсутствие научного или даже прагматического консенсуса по поводу тематики, методов или теоретической рамки повлияло на повседневную практику научной работы и отношения между социологами и их множественной публикой — итальянскими и зарубежными коллегами, национальными и локальными политическими элитами, общественными и религиозными движениями, экономическими акторами и масс медиа. Более того, отсутствие консенсуса помешало развитию общего взгляда социологического сообщества на его профессиональные и этические стандарты, а также на его потенциальное развитие. Дисциплина борется за конструирование нового господствующего нарратива о своем прошлом, настоящем и будущем — до такой степени, что даже старые мифы о послевоенном «возрождении социологии» или о студенческих волнениях 1968 г. (см. статьи [Кесты](#) и [Коссу](#) в этом номере «Глобального диалога») практически ничего не говорят новому поколению социологов, получивших образование в этаблированных академических учреждениях.

Вне всякого сомнения, как показывают многие статьи, опубликованные в «Глобальном диалоге», такая плюрализация социологических подходов и исследовательских стилей в последние 30 лет произошла практически повсеместно. В Италии, однако, особая история дисциплины придает этой постмодернистской фрагментации особый итальянский колорит. За последние пятнадцать лет всемирный

>>

неолиберальный поворот в высшем образовании, с его идеологией менеджмента и рынка и атакой на послевоенную оценку академических профессий, ослабил позиции трех основных сегментов итальянского социологического сообщества — влиятельных академических групп, сложившихся в конце 1960-х в целом в соответствии с политическими идеологиями: римско-католической, коммунистической и социалистической. В то же время молодых ученых призывают к расширению географических, интеллектуальных и профессиональных горизонтов, по мере того как все больше итальянских социологов получают степени или должности научных сотрудников по программам пост-док за границей, регулярно выступают на международных встречах, а также принимают активное участие во всемирных научных сетях. В результате некоторые социальные ученые отказываются от итальянского как основного языка научных публикаций и самоустраиваются от застенчивых академических конвенций. В результате перспективы обретения итальянской социологией более четкого и неоднозначного дисциплинарного профиля становятся все более туманными (см. публикацию [Сквациони и Акбаритабара](#) в этом номере).

Помимо этой важнейшей динамики, итальянская социология на сегодняшний день сталкивается с тремя основными вызовами, связанными соответственно с её местом в культурном и интеллектуальном мире, её ролью среди социальных наук и в неолиберальной академии в целом, а также её институциональной инфраструктурой.

Одна из крупнейших проблем, с которой пытается справиться наша дисциплина, — это нехватка признания в сфере национального социального воображаемого (см. статьи [Вайры](#) и [Мурджи и Поджо](#) в этом номере). Помимо горстки харизматических личностей, принадлежащих к первым поколениям социологов, ставших известными политиками или публичными интеллектуалами, влияние социологической профессии на общество в Италии остается приглушенным. С одной стороны, воспоминания о далеком 1968 году и даже о 70-х (когда несколько выпускников Университета Тренто вступили в террористическую группировку «Красные бригады», а некоторые другие возглавили организации «новых левых») вносят вклад в устойчивые представления о социологе как партийно ангажированном и ненадежном интеллек-

туале. Эта репутация усугубляется недавним решением некоторых социальных ученых выступить в роли идеологов, «органических интеллектуалов» или консультантов на службе политических движений, профсоюзов или организаций гражданского общества. С другой стороны, с середины 80-х социологи критикуют за избыточную велеречивость. Нередко их считают поверхностными всезнайками (*tuttologi*). Хотя несколько представителей молодой когорты социологов и заслужили славу глубоких публичных интеллектуалов — среди них Ильво Диаманти, Мауро Магатти, Джованни Семи, чья книга «Джентрификация», выпущенная в 2015 г., стала настоящей сенсацией, — необходимы время и ресурсы, чтобы обновить репутацию дисциплины и восстановить ее легитимность в обсуждениях социальных процессов.

Судьба академической социологии неразрывно связана с судьбой итальянской системы высшего образования. В 2004–05 гг. было решено собрать, проанализировать и оценить результаты научной деятельности сотрудников академических учреждений. Хотя результаты этого национального исследования фактически не имели реальных последствий, в целом картина оказалась неутешительной. Результаты научной деятельности социологов были оценены ниже, чем результаты деятельности представителей других социальных наук. В итоге было решено принять меры по улучшению качества социологических публикаций. Впоследствии неолиберальное правительство Берлускони провело радикальную реформу итальянского высшего образования (Закон 240/2010), вызвавшую интенсивную дискуссию в конце 2012 г. Публикация результатов национальной аттестации научных работников продемонстрировала работу нового рекрутингового механизма: лишь один из пяти заявителей смог пройти отбор на позицию доцента или профессора. Более того, университеты северной Италии показали лучшие результаты, чем университеты центральной и южной Италии: здесь больше кандидатов имели научные степени, необходимые для карьерного роста.

В результате дебаты о региональных и субдисциплинарных неравенствах, степени влияния каждого из трех сегментов социологического сообщества, а также фрагментированности дисциплины проходили в нетипично пассионарной манере. Одна из

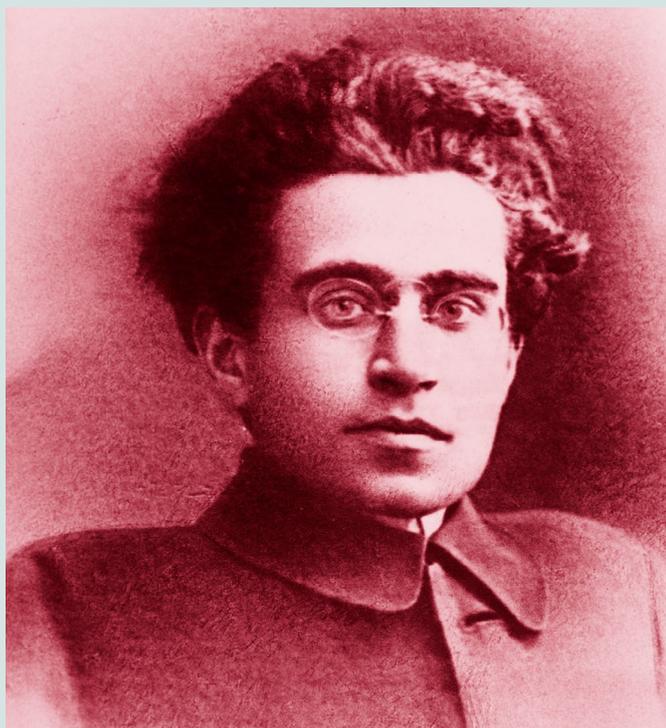
самых разъяренных полемик была сосредоточена вокруг оценочных критериев, прописанных в законе 2010 г., который непропорционально поощрял профессии с фокусом на интенсивной исследовательской работе. Тексты, опубликованные в зарубежных журналах, и членство во всемирных исследовательских сетях при аттестации получали высокие оценки, в то время как преподавание и иная работа в отечественных учреждениях не принималась во внимание при аттестации достижений научных сотрудников. В среднем социологи-космополиты, целиком или частично отвернувшиеся от итальянской социологии, были признаны значительно более успешными, чем их локально ориентированные коллеги.

В конечном счёте разногласия по поводу реформы 2010 г. стали источником глубоких и, возможно, неожиданных последствий для Итальянской социологической ассоциации (ИСА, AIS), созданной в 1983 г. как центр обмена информацией для трех сегментов сообщества, которые совместно управляют распределением академических должностей и финансированием научных исследований. Ассоциация постепенно утратила престиж и привлекательность, а ее реакция на публикацию результатов национальной аттестации научных работников убедила многих академических социологов в необходимости покинуть её ряды. Поскольку членство в ИСА существенно сократилось, организация пытается обновить себя, усилив как свою публичную роль, так и привлекательность как основного блюстителя дисциплинарных стандартов. В то же время, однако, экономические социологи, которые, как правило, получили более высокие оценки результатов своей научной деятельности, решили отказаться от членства в ИСА, создав новую субдисциплинарную профессиональную ассоциацию. В январе 2017 г. Итальянское общество экономической социологии (SISEC) провело свою Первую национальную конференцию, в которой приняли участие около 220 членов — примерно каждый десятый академический социолог. Только время покажет, принесет ли это двойное обновление плоды и поможет ли оно итальянской социологии пережить одну из самых бурных и непредсказуемых фаз в своей истории. ■

Корреспонденцию направляйте Маттео Бортолини [<matteo.bortolini@unipd.it>](mailto:matteo.bortolini@unipd.it)

> Грамши, чужак в собственной стране

Риккардо Эмилио Кеста, Европейский университетский институт, Фьезоле, Италия

Антонио Грамши.

В современном социальном дискурсе критическая социология и марксизм обычно воспринимаются как единая категория. На самом же деле их взаимоотношения далеко не самоочевидны. Реконструкция развития нашей дисциплины в Италии после Второй мировой войны иллюстрирует борьбу за гегемонию в изучении «социального» и глубину конфликтности взаимоотношений социологии и марксизма.

К концепции гегемонии я обращаюсь далеко не случайно: амбивалентное отношение итальянских марксистов к общественным наукам видно уже у Антонио Грамши. Его философские взгляды, его представления о роли интеллектуалов, адаптация его идей итальянской компартией — все это способствовало формированию дистанции между Грамши и послевоенной итальянской социологией. Несмотря на широкое международное признание, Грамши остается «чужестранцем в собственной стране», то есть в итальянской сфере социальных наук.

> Криптоидеализм в марксизме Грамши

Выстраивая свой теоретический подход, Грамши оппонировал величайшему публичному интеллектуалу своего времени — неаполитанскому философу Бенедетто Кроче, обладавшему в первой половине двадцатого века колоссальным теоретическим и политическим влиянием. Именно поэтому самый цитируемый и обсуждаемый автор в «Тюремных тетрадах» Грамши — это вовсе не Маркс или Ленин, а именно Кроче.

Будучи сторонником идеалистического историзма, Кроче отрицал саму возможность создания «науки социального», занимаясь утонченными эпистемологическими доказательствами первичности права и жестко отвергая представления о социологии как научной дисциплине. Несмотря на знание парадигмы Кроче — отказа от признания марксизма как философии истории — Грамши открыто призывал к подрыву гегемонии Идеализма и Спиритуализма, царившую в итальянской культуре, выступая с позиций «анти-Кроче». В то же время в «Тюремных тетрадах» то и дело встречаются обсуждения основных работ современных ему социальных теоретиков: критикуя их, Грамши признаёт потенциал общественных наук для глубокого изучения итальянского общества и политики.

> Тольятти и его трактовка Грамши

Чтобы понять, как и почему итальянские интеллектуалы в 1950-е годы выдвинули криптоидеалистическую интерпретацию наследия Грамши, мы не можем ограничиться анализом его текстов. Необходимо изучить контекст написания и публикации его основных работ — черновиков, сохранившихся после его смерти в 1937 году в фашистской тюрьме. «Тюремные тетради» увидели свет, когда Грамши уже не стало. Печатную версию подготовили старый товарищ Грамши Пальмиро Тольятти, лидер Итальянской коммунистической партии, и журналист Феличе Платоне. Первое издание работ Грамши содержит несколько томов, опубликованных между 1948 («Исторический материализм» и «Философия Бенедетто Кроче») и 1949 годами («Интеллектуалы», *Il Risorgimento* и «Заметки о Макиавелли»). Тольятти и Платоне представили Грамши как главного наследника итальянской культурной традиции, выстроив идеальную интеллектуальную родословную, включающую Де Санктиса, Спавенту, Лабриолу, Кроче и, наконец, самого Грамши. В то

>>

же время они воплотили в жизнь четкую стратегию культурной гегемонии, используя тонкое «неомакиавеллианское» применение грамшианского анализа формирования массовых партий — того, что Грамши обозначал понятием «современный государь».

Такое обращение с работой марксистского философа преследовало две цели. Во-первых, наследие Грамши, будучи связано с Кроче и историческим материализмом, легитимировало культуру коммунистической партии среди буржуазного большинства. Во-вторых, интеллектуальное наследие Грамши подверглось трансформации, целью которой было продвижение неомакиавеллианской версии исторического развития, согласно которой Тольятти был лидером партии, а партия являлась основным политическим актором, ведущим за собой итальянский рабочий класс. Посредством такой адаптации Грамши был представлен как защитник представительного демократического руководства социальных движений, прогрессивный буржуазный философ, а не ученый, изучающий культуру угнетённых, или исторический идеалист, отрицающий ценность общественных наук.

> Отсутствующее звено

В 1950-е годы тексты Грамши превратились в ключевой инструмент поколения интеллектуалов, стремящихся к созданию левой буржуазии, разоблачавших молодые общественные науки как «инструменты своих хозяев», импортированные из США с целью идеологического приручения рабочего класса. При этом одним из основных сторонников развития социологии в Италии был предприниматель Адриано Оливетти, который собрал и субсидировал технических экспертов и интеллектуалов, связанных с Социалистической партией. В своей фирме в городе Ивреа Оливетти открыл «отдел общественных отношений», где молодые ученые имели возможность изучать влиятельные американские социологические работы и применять социологические инструменты для изучения трудовых отношений.

Коммунистические интеллектуалы и лидеры сохранили скепсис по отношению к проекту «общественного предприятия» Оливетти, увидев в нем лишь попытки работодателя преодолеть классовый конфликт с помощью технократической филантропии. В статье, опубликованной в официальном журнале *Il Contemporaneo* в сентябре 1955 г., коммунист-интеллектуал Фабрицио Онофри подверг критике культурно-политическое движение Оливетти как странный мессианизм, назвал Оливетти «кем-то вроде Аллаха», а социолога Франко Ферраротти, его правую руку, — пророком Мухаммедом. В 1950-е официальный грамшизм стал одновременно идеалистической философией истории, построенной на фиксированных теоретических положениях, не подвергавшихся эмпирической проверке, и руководством для становления «прогрессивной демократии». Он превра-

тился в стратегию, нацеленную на постепенное усиление позиций рабочего класса в рамках демократических институтов Итальянской республики.

Альтернативное прочтение Грамши возникло с появлением новых критических левых групп Итальянской коммунистической партии после того, как произошли два события. В 1955 году внутренние профсоюзные выборы на заводе Fiat — одном из национальных центров рабочего движения — показали шокирующий результат: Всеобщая итальянская конфедерация труда (ВИКТ), один из основных левых профсоюзов Италии и союзников Итальянской компартии, потеряла почти половину голосов. Через год советское подавление протестов в Будапеште обнажило скрытые проблемы коммунистического движения, породив горячие дебаты среди левых интеллектуалов, многие из которых покинули партию.

Тем не менее, когда молодые, вовлеченные интеллектуалы (в том числе группа *Quaderni Rossi* во главе с Раньеро Панциери) в конце 1950-х бросили вызов институционализированному итальянскому марксизму, они обратились к активистской форме социологических исследований — «*inchiesta operaia*» («партиципаторным исследованиям рабочего класса»), чтобы пересмотреть интерпретацию текстов Грамши, представленную П. Тольятти. Однако этот поворот не привел к новому прочтению наследия Грамши. Лишь начиная с 1967 года Институт Грамши предпринял комплексное изучение трудов мыслителя, которое, к сожалению, не опиралось на серьезную научную программу. И хотя волнения 1968 года способствовали обновлению критической социологии, импортировав работы представителей франкфуртской школы, подавляющее большинство академических социологов отстранились от критической теории в своем стремлении к профессионализации. В период кризиса марксизма и макро-социологических теорий в конце 1970-х гг. Грамши казался лишь очередным объектом философской историографии.

Мы наблюдаем своеобразный парадокс: в ключевой период становления и консолидации нашей дисциплины в Италии ни академическая, ни публичная социология не смогли познакомиться с «настоящим Грамши». Хотя во всём остальном мире, от США и Великобритании до Латинской Америки и Индии, теории, разработанные Грамши, смогли стать ключевыми интеллектуальными инструментами в культурологических исследованиях, исследованиях угнетённых групп, в политической экономии и международных отношениях, — в Италии как академические, так и критические социологи в равной степени игнорировали его вклад. Этот тренд привел к тому, что великий уроженец Сардинии стал глобальным интеллектуалом, меж тем оставаясь «чужестранцем в собственной стране». ■

Корреспонденцию направляйте Риккардо Кесте <riccardo.chesta@eui.eu>

> Итальянская социология 1945–1965, подобная двуликому Янусу

Андреа Коссу, Университет Тренто, Италия

Франко Ферраротти, один из основателей профессиональной социологии в Италии.

Путь к интеллектуальному признанию и институционализации труден для любой научной дисциплины без исключений. Он включает не только дебаты о границах, но и создание сложной, иногда уникальной, инфраструктуры, посредством которой дисциплина сможет состояться и, в оптимистичном варианте, прийти к расцвету. Социальные науки Италии после Второй мировой войны не стали исключением из этого правила. В то время политология часто воспринималась как «фашистская» дисциплина, а статистику клеймили как пособницу колониальной экспансии. У власти находилась идеалистическая философия, часто склонная к критике социальных наук — особенно слабейшей из них в то время, социологии.

Итальянская социология, таким образом, совершала первые шаги в неблагоприятной обстановке. Она столкнулась не только с академической неприязнью и политической критикой со стороны органических интеллектуалов Итальянской коммунистической партии, но и с институциональными ограничениями итальянских университетов, затрудняющими создание ниш для новых дисциплин. Убийственное сочетание централизованной государственной бюрократии и локальной вертикальной динамики означало, что социологи были вынуждены развивать дисциплину по большей части вне университетов. Несмотря на подчинённое, по большому счёту, положение своей сферы производства знания, социологи помогли выстроить инфраструктуру исследова-

тельских центров, издательств и школ социальных работников. Этот вклад стал долгосрочным подспорьем для дисциплины и сохранил свою значимость после 1960-х гг., когда социологи получили, наконец, признание в мире академической науки.

Дискуссия об институционализации социологии в Италии часто ограничивается обсуждением истории интеллектуальных позиций. Однако, как мы с Маттео Бортолини отмечаем в работе «Итальянская социология: 1945–2010» (*Italian Sociology 1945–2010*), необходимо копать глубже, чтобы понять, почему когорта молодых учёных — в большинстве своём находящихся на маргинальных позициях в существующих дисциплинах — стала социологами и позже получила признание

>>

в научных кругах. Другими словами, необходимо провести социологическое исследование того, каким образом эта когорта людей совершила открытие социологии, и обратить при этом внимание на исследовательские направления, отношения в сообществе и процессы становления дисциплины. Таким образом необходимо сменить фокус, характерный до сих пор для большинства существующих исследований дисциплины в Италии, который предполагает концентрацию на движущих силах и стратегиях планирования.

В 1951 г. Франко Ферраротти совместно со своим научным руководителем, философом Николой Аббоньяно, основал один из наиболее значимых социологических журналов *Quaderni di Sociologia* («Социологические тетради»). В 1961 г. в результате национального конкурса в Италии были учреждены три полноценных кафедры социологии. В течение десятилетия между этими двумя важнейшими событиями выстраивалась инфраструктура итальянской социологии, а также создавались основные центры социологической активности в стране. Диана Пинто разделяет этот период на два примерно одинаковых по длительности этапа. Если 1950–1956 гг. были ознаменованы открытием социологии как отдельной дисциплины, то во второй половине периода социология приобрела «культуроцентричность» (возможно, это состояние лучше описывает метафора «полицентризма»).

В ту эпоху университет являлся центральным институтом в итальянской интеллектуальной сфере. Несмотря на это, массового вовлечения социологов в университеты не происходило вплоть до самого конца 1960-х, когда философ Ф. Бальбо и его коллеги объявили социологию «большей наукой», указав на то, что мечта социологов стать авангардом модернизации общества не осуществилась. Таким образом, представителям новой дисциплины не осталось ничего иного, кроме как занять позиции университетских преподавателей. До этого переломного момента итальянская социология имела по большей части внеакадемическую инфраструктуру. Ключевыми были такие исследовательские структуры, как *Centro Nazionale di Prevenzione e Difesa Sociale in Milan* (Национальный центр социальной за-

щиты в Милане), культурные ассоциации, такие как болонская «*Il Mulino*», и политические движения, например, *Comunità*. «Комунита» была основана бизнесменом Адриано Оливетти, чьё неординарное предпринимательское видение определило прикладную социологию как один из главных инструментов улучшения социального положения членов сообщества на промышленных предприятиях и за их пределами. Исследовательские центры помогли установить долгосрочные контакты с культурными фондами и такими международными организациями, как Фонд Форда и ЮНЕСКО. В то же время известные издательства — включая *Einaudi*, *Comunità* (также основанное Оливетти) и *Il Mulino* — участвовали в интеллектуальных дебатах о том, чем отличается социология от других дисциплин (особенно от философии), и способствовали распространению практик эмпирического анализа и работы в поле. Одновременно с этим широкая сеть учёных из некоторых институтов, учреждённых на базе университетов (Милана, Турина, Флоренции и Портичи), в основном занималась прикладными исследованиями в таких областях, как трудовые отношения в промышленности, экономическая социология, изучение местных сообществ и электростанционная география.

Таким образом, к концу 1950-х гг. позицию итальянской социологии можно уподобить двуликому Янусу. Дисциплина разрывалась между теоретическим фокусом (с сильным функционалистским уклоном), который обеспечивал ей легитимность, и проведением прикладных исследований. Результаты были смешанными. «Теория» часто подразумевала воспроизводство догматичных и однобоких прочтений Парсонса, Мертона и Лазарсфельда. Работа в поле часто представляла собой стандартные опросы и примитивную этнографию, в ней не находилось места для новаторских исследовательских подходов.

Несмотря на узкий фокус, социология всё же стала «нормальной наукой», отвечающей потребностям общества. К первому поколению социологов принадлежат такие ученые, как Франко Ферраротти, Алессандро Пиццорно, Сабина Аквавива, Эудженио Пеннати, Лучано Кавали, Джорджо Брага и Филиппо Барбана; статус «свободных доцентов» (*libero docente*) разрешал

им преподавать в университетах. Это поколение использовало свой опыт и профессиональную квалификацию, чтобы организовать социологические центры в главных университетах Италии. Здесь они стали обучать новое поколение студентов более узкой специализации. Вступление последних в ряды социологов происходило в контексте перехода Италии к массовой университетской системе, в которой социальные науки получили более значимое положение.

В результате в 1960-е годы социологический ландшафт Италии кардинально изменился. Оказалась несбыточной мечта социологов стать советниками в процессе модернизации страны. Вместо этого социология обрела более стабильное положение в университетской среде и за пределами академической жизни. Пространство за пределами университетов стало основной площадкой для профессиональной подготовки социологов. Первое образовательное учреждение, имеющее право выдавать дипломы социологов, было основано в 1962 г. в Тренто. Вслед за этим решающим для дисциплины событием стали появляться другие факультеты социологии, а также программы подготовки по социологии на факультетах политических наук.

Итак, через двадцать лет после первых робких попыток легитимировать социологию в Италии полным ходом пошла академизация дисциплины. В течение длительного периода область интереса и методы социологии как дисциплины в большинстве случаев формировались рутинными требованиями исследований, а не интеллектуальным престижем, связанным с признанием в академической среде. Неудивительно, что первоначальное длительное отсутствие социологии в университетах имело огромные последствия. Оно оказало воздействие не только на установки итальянских социологов, но и на предпочитаемый ими тип исследований, даже повлияв на теоретическую ориентацию крупных учёных. Лишь с конца 1960-х гг. (и более активно — в 1970-е гг.) итальянская социология стала предпринимать решительные шаги в сторону совершенствования и углубления своего теоретического, эмпирического и методологического арсенала. ■

Корреспонденцию направляйте Андреа Коссу <andrea.cossu@unitn.it>

> Интернационализация социологии в Италии 1970–2010-е

Фламинио Сквациони и Алиакбар Акбаритабар, Университет Брешии, Италия

Интернационализация итальянской социологии, 1973–2015.

Итальянские социологи работают в широком спектре образовательных и исследовательских институтов, расположенных в разных регионах Италии. Принятые практики приема на работу и продвижения по карьерной лестнице, установленные благодаря сложному сочетанию насаждаемых сверху мер, сосуществующих и конфликтующих «парадигматических» школ и местных «клик», позволили социологам расширить свое академическое влияние и найти позиции во многих учреждениях. Например, в итальянских университетах число преподавателей социологии приближается к числу экономистов (около 1000 преподавателей, доцентов и профессоров). Однако, хотя это и может свидетельствовать об успешной эволюции нашего профессионального сообщества, остается неясным, смогли эти практики улучшить качество исследований или же, наоборот, препятствовали этому.

Чтобы получить количественное представление о характере публикаций итальянских социологов, мы взяли имена 1227 итальянских социологов (включая тех, кто в 2016

году поступил на программы постдок) на сайте Итальянского министерства университетов и исследований. Затем мы произвели поиск в системе Scopus, включающей в себя международные журналы, данные о конференциях, монографиях, главах в книгах, а также самых престижных национальных журналах с 1970-х по 2010-е годы.

Мы обнаружили, что у 63,8% итальянских социологов есть как минимум одна публикация, индексируемая в Скопусе. Это значит, что у одного из трёх социологов в Италии нет ни одной публикации в признанных международных журналах или наиболее престижных итальянских журналах; у них также нет свидетельств об участии в конференциях и опубликованных книг.

Имена нескольких итальянских социологов часто мелькали в нашей выборке. Например, пять ученых опубликовали более чем 35 текстов в индексируемых изданиях. С другой стороны, около 20% (249 социологов) за всю свою карьеру выпустили лишь по одной статье. Если про- >>

анализировать степень влияния этих публикаций, мы обнаружим, что 52,4% авторов (1840 из 3515 публикаций) не могут похвалиться тем, что их работы хотя бы один раз цитировались.

Интересно, что данные демонстрируют явные географические различия. Социологи, работающие в северных (45,5%) и центральных университетах (27,2%) публикуются значительно больше тех, кто работает на юге страны. Это различие указывает на наличие предубеждения против «чужих» или на эффект неблагоприятного контекста — на факторы, возможно, отражающие неравномерное социально-экономическое развитие итальянских регионов. Однако лишь дальнейший анализ университетского процесса найма научных сотрудников, который потребует реконструкции деятельности комитетов по найму и воссоздания профиля кандидатов по базе данных Итальянского министерства университетов и исследований, сможет ответить на вопрос о том, каковы причины этих различий — предубеждения или гомофилия (институциональная закрытость), или же негативный контекст.

Наше исследование выявило также значимые темпоральные различия. Мы отдельно изучили феномен международного соавторства, который отображает активность социологов в международном сообществе и их ориентацию на международные исследовательские стандарты. Вычислив долю неитальянских соавторов для каждого случая соавторства и обратив внимание на время публикации, мы обнаружили, что уровень международного сотрудничества значительно повысился в последние годы, как и число международных соавторских публикаций. В этих трендах

прослеживается важное сходство. За последние 10 лет уровень международного сотрудничества вырос на 50% (см. диаграмму).

Хотя для дальнейшего анализа необходимо систематически рассматривать каузальные факторы, эта тенденция, вероятно, является благоприятным следствием введения в 2010 г. национальной оценки деятельности университетов и исследовательских центров, ежегодно проводимого итальянским государственным агентством ANVUR. Хотя ученым нужно время, чтобы поменять свои публикационные стратегии, многие социологи уже поняли важность публикаций в известных международных журналах. В то же время те, кто ранее проявлял публикационную активность на международном уровне, быть может, решили увеличить свои инвестиции в международные публикации.

Мы не утверждаем, что институциональное давление порождает дарвиновский эффект и ученые просто адаптируются к требованиям институций, чтобы продемонстрировать свою профпригодность. Однако усиление конкуренции за финансирование на национальном и международном уровнях, а также растущее внимание к производительности университетов и отделений могут способствовать росту интернационализации и важности публикаций в престижных международных журналах с целью повышения их академической репутации. В двух словах мы могли бы сказать «*Eppur si muove*» — «И все-таки она вертится!» ■

Корреспонденцию направляйте Фламинию Сквациони <flaminio.squazzoni@unibs.it>

> Гендерные стереотипы в итальянской социологии

Аннализа Мурджа, Школа бизнеса университета Лидса, Великобритания,
и Барбара Поджо, Университет Тренто, Италия

Студенческая забастовка в Тренто, 1968.

Отношения итальянской социологии с гендерными исследованиями довольно сложны. Причина этому — ряд явлений и событий, характеризующих итальянский академический контекст и развитие феминистского движения в Италии.

Гендерный дискурс появился в итальянских социологических дебатах в конце 1970-х гг. благодаря инициативе нескольких женщин-социологов. Как и во многих других странах, в Италии теоретическая разработка гендерной перспективы началась за пределами научного сообщества. Этот процесс был тесно связан с политической борьбой за равенство прав женщин и мужчин, а также за изменение законодательства в отношении аборт и разводов. Связь с

>>

Собрание феминисток Тренто в 1968 г.

политическими движениями препятствует институционализации гендерных исследований в рамках университетской системы в качестве политически нейтрального научного направления. Кроме того, гендерным исследованиям как социологической дисциплине приходится бороться с обвинениями в политической воинственности и идеологизированности.

С давних пор для итальянского общества характерен традиционный гендерный порядок, сохраняющийся и по сей день. Это явно отражено в университетской системе; также значительное гендерное неравенство наблюдается в области научной карьеры. Особенно заметен устойчивый «эффект ножниц»: среди студентов и магистрантов женщин больше, чем мужчин, в университетах больше женщин-аспиранток и женщин со степенью PhD, чем мужчин на тех же позициях, однако с повышением академического статуса доля женщин среди научных работников стремительно падает. По данным Министерства высшего образования и науки, в сфере политических и социальных наук доля женщин среди (полных) профессоров в 2015 г. составляла лишь 26%, среди адъюнкт-профессоров было 39,3% женщин, среди доцентов — 46,7% женщин. Не так уж много женщин и в редколлегиях научных журналов, особенно тех, которые обладают высоким рейтингом.

Более того, маргинализации гендерных исследований в сфере высшего образования способствует жёсткая структура учебных программ в итальянских университетах, которая предполагает ограниченное число курсов, предусмотренных центральным планом Министерства. Трудно внедрить в университетский процесс новую дисциплину, особенно если она не полностью легитимна (как в случае с гендерными исследованиями) или если инициаторы нововведения находятся на низших или маргинальных академических позициях.

Помимо этого, дебаты внутри самого феминистского движения также оказались препятствием для интеграции гендерных исследований в университеты. В частности, в Италии большую роль играет феминистская теория различий, главные идеи которой — женское самосознание и сепаратизм. В соответствии с этим подходом университеты рассматриваются как бастионы академической патриархальной власти и вызывают недоверие. Кроме того, как замечает Сарачено, итальянские феминистские исследовательницы, стремящиеся приобрести влияние в академических кругах, долго обсуждали институциональные стратегии. Они решали вопрос о том, стоит ли вводить отдельные образовательные программы по женским и гендерным исследованиям или можно ограничиться тем, чтобы привлечь общественное

внимание к гендерному дискурсу в рамках сложившейся дисциплинарной матрицы. В условиях институциональной ригидности итальянской университетской системы большинство выбрало второй вариант — представление женского, а затем и гендерного, фокуса в рамках привычных университетских предметов, организацию студенческих семинаров, инициатив и событий в дополнение к существующему учебному плану, и в конце концов, создание центров гендерных исследований.

Лишь на исходе 1980-х гендерные исследования стали бороться за более официальный институциональный статус, и эта борьба продолжается в XXI веке. В 2012 г. социология совершила важнейший шаг с точки зрения институционализации гендерных исследований: была создана гендерная секция Итальянской социологической ассоциации.

За несколько десятилетий итальянские гендерные исследования успели значительно развиваться. Однако это развитие имеет в некотором роде фрагментарный и бессистемный характер. Сегодня присутствие гендерных исследований в итальянском социологическом сообществе всё ещё ограничено. Преподавательская и научная компетенции в области гендерных различий по большей части приписывается лишь отдельным женщинам-исследовательницам на основании того признания, которые они как учёные заработали в своих образовательных институтах и научных сообществах. Более того, по-прежнему ограничены возможности подготовки бакалавров, магистров и аспирантов в сфере гендерных исследований. Один из опросов показал, что в 2011-12 гг. из всех учебных курсов для бакалавров и магистров только 57 были посвящены гендерной тематике; это лишь крохотная составляющая всего спектра курсов, предлагаемых учащимся различных факультетов. Четверть всех курсов, посвящённых гендеру, относились к области социологии; особых программ подготовки в области гендерных исследований не существовало. Курсов повышения квалификации, посвящённых гендерным исследованиям, также было немного: 12 специализированных курсов, 6 магистерских программ и 4 докторских курса. В последние годы введение новых курсов по гендерной тематике или расширение существующих программ встречает новые препятствия. Одна из причин этому — политика жёсткой экономии, которая повлекла за собой сокращение финансирования. Кроме того, гендерная перспектива по-прежнему не имеет широкого признания в научных кругах ввиду непрекращающихся обвинений в политической ангажированности. Усугубляет ситуацию широко освещённая в прессе недавняя кампания ортодоксальных католических ассоциаций и движений, целью которой было опровержение научных оснований гендерных исследований. Все эти факторы препятствуют официальному признанию и распространению научных работ в области гендерных исследований, что ведёт к дальнейшей маргинализации специалистов этой области.

Несмотря на продуктивность гендерных исследований и их значительный вклад в различные социальные (и не только социальные) науки, в Италии эта сфера сейчас характеризуется, по словам Ди Кори, «неопределённостью идентичности». Системного и полностью легитимного присутствия гендерных исследований, даже как раздела социологической дисциплины, в институциональных учебных планах до сих пор не наблюдается. Это закономерно связано с существованием в Италии значительного гендерного дисбаланса в сфере университетской карьеры. ■

Корреспонденцию направляйте:
Аннализе Мурдже <a.murgia@leeds.ac.uk>
Барбаре Поджо <barbara.poggio@unitn.it>

> Вторичная дисциплина: социология в Италии

Массимилиано Вайра, Университет Павии, Италия

Признание социологии как научной и академической дисциплины в итальянском университете оспаривалось в течение продолжительного времени и является относительно недавним событием. Как признание, так и институционализация «запоздавшей» дисциплины в академической области и на социальном уровне еще нельзя считать окончательными. Следовательно, даже сегодня социология занимает второстепенное, подчиненное положение в сфере науки. В этом эссе, основываясь на концептуальном аппарате Бурдьё, я описываю состояние дисциплины в 2000-х годах, используя официальные данные о количестве преподавателей, учебных курсов и департаментов в качестве показателей относительно низкой степени институционализации социологии, её вторичного положения и её ограниченной власти в рамках итальянской академии. Затем я перехожу к другим аспектам статуса и состояния дисциплины.

Социологию можно рассматривать как гибридную дисциплину, относящуюся к гуманитарным наукам, но находящуюся на границе между «чистыми» и прикладными исследованиями. Размышления о теоретических, эпистемологических и онтологических основах приближают социологию к философии, «чистой» науке, в то время как эмпирическое измерение социологических исследований создает прикладное знание, используемое для различных целей в разных социальных сферах. Хотя другие дисциплины (например, экономика, психология или физика) разделяют с социологией это свойство (гибридный характер), в основном они склоняются к какому-то одному — прикладному или «чистому» — полюсу. Кроме того, эти дисциплины часто отличаются более аккуратным и более институционализированным внутренним различием между теоретическим и практическим/прикладным производством знания, чем социология.

В связи с этим социология занимает лиминальную позицию в мире академии. При учёте недавней, всё ещё неполной институционализации и гибридных особенностей она сохраняет неопределённую научную «иден-

тичность», оставаясь при этом на периферии академических кругов. Часто её обсуждают как неактуальную в публичных дебатах.

Пограничная позиция в сфере науки и в обществе ослабляет социологическую дисциплину. Этот факт иллюстрируется национальными данными, которые демонстрируют нехватку институционализации дисциплины, её маргинальное положение в академической области и, следовательно, её ограниченную власть.

Начнем с того, что из почти 900 факультетов итальянской университетской системы (в которую входят 97 государственных, частных и «виртуальных» учреждений) в настоящее время существует лишь пять факультетов социологии — то есть, факультетов, в которых «социология» включена в официальное название и в которых большинство сотрудников являются социологами. В 2012 году (это последний год, по которому имеются данные) из 2687 курсов уровня бакалавриата только 18 были курсами по социологии: их предлагали в 16 учреждениях. Что касается курсов для магистров и аспирантов, 22 курса (из 2087) по социологии предлагались в 18 учреждениях. В 2016 г. в стране существовало менее десяти докторских программ по социологии (из общего количества в 913 докторских программ).

Эти данные достаточно четко демонстрируют маргинальное положение дисциплины, однако еще более красноречива информация о штатных преподавателях в сравнении с другими дисциплинами. В приведенной ниже таблице мы приводим данные 2000-х годов. Шесть подвергнутых сравнению дисциплин включают почти 60% от общего числа академических должностей в итальянских университетах в 2015 году. Данные демонстрируют, насколько численно маргинальна социология по сравнению с более прикладными дисциплинами (например, инженерным делом, архитектурой, экономикой, статистикой, правом), более «чистыми» дисциплинами (например, искусством и математикой) и даже в сравнении с психологией, имеющей аналогичную академическую историю в недавнем прошлом и сопоставимую гибридную природу.

Число штатных профессоров на дисциплину в год

	Инженерное дело Архитектура	Искусства	Экономика Статистика	Право	Математика	Психология	Социология
2001	6241	1769	3794	3957	2494	872	685
2005	8738	1867	4406	4612	2575	1086	817
2010	8608	1670	4647	4765	2443	1239	933
2015	7802	1382	4309	4328	2171	1238	906

Маргинальная позиция социологии в итальянских университетах.

Как дисциплинарная область социология страдает от своего рода фрагментации, которую можно помыслить как двойную балканизацию. Во-первых, она «разбросана» по различным факультетам (например, политических наук, экономики, права, медицины, инженерного дела/архитектуры, гуманитарных наук) и часто занимает позицию второстепенной дисциплины, над которой доминируют другие — основные — дисциплины. Хотя это иногда верно и для других дисциплин (например, математика может преподаваться на факультетах экономики, инженерного дела/архитектуры, медицины, психологии или право — на факультетах политических наук, социологии или экономики), они гораздо более концентрированы, чем социология. Например, наряду с пятью социологическими факультетами в Италии существует десять факультетов искусств, восемнадцать — психологии, двадцать — права, 35 — математики, 56 — экономики, 137 инженерно-архитектурных (последняя дисциплина также преподается в трех специализированных учреждениях — Политехнических институтах).

В то же время социология разделена изнутри на так называемые componenti (сегменты) — три академических группы, основанных на политических, а не эпистемологических взглядах. Это обстоятельство мешает итальянской социологии развить единый подход к академии в целом, а также в отношении к другим дисциплинам.

Наконец, социологическое академическое сообщество, в отличие от сообщества медиков, юристов, инженеров, архитекторов, психологов и в некоторой степени экономистов, не смогло создать систему аккредитации профессиональных социологов. У этого есть двойственные последствия. Во-пер-

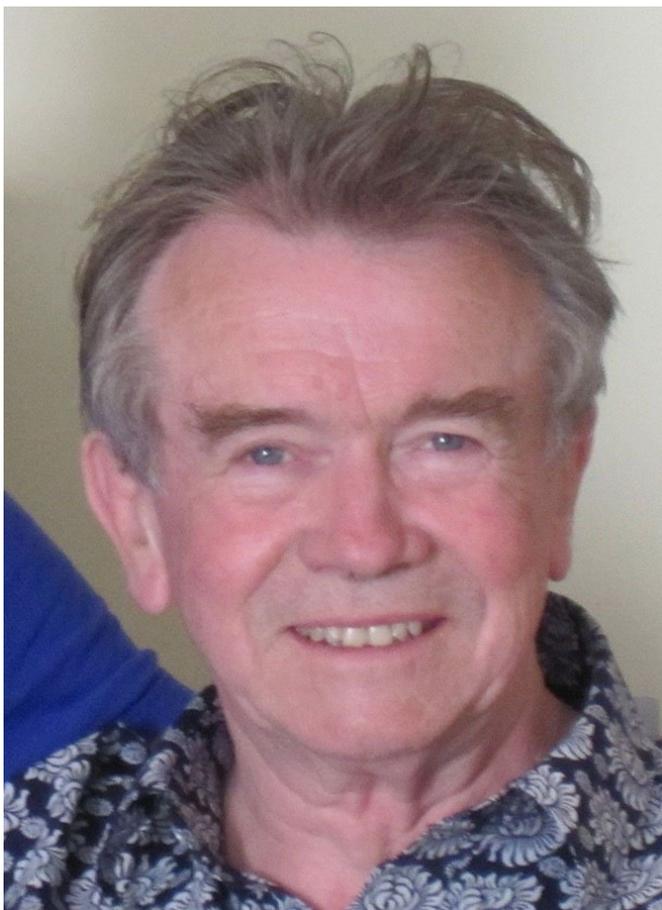
вых, это обстоятельство ставит социологов в относительно слабое положение на рынке труда: выпускники-социологи не считаются профессионалами с конкретными навыками и знаниями (часто говорят, что социолог — это все и ничего одновременно, ни рыба ни мясо). Во-вторых, социология остается слабым игроком на академическом поле: тот факт, что дисциплина не старается готовить «профессионалов» в строгом смысле, воспроизводит ее маргинальную позицию в академии.

Все вместе эти структурные условия и динамика позволяют составить, по крайней мере, поверхностное представление о второстепенной позиции социологии. Очевидным образом плохо обеспеченная научным, академическим и социально-экономическим капиталом, эта дисциплина занимает позицию, удаленную от всех трех полюсов академической сферы Италии, а именно полюса научного признания, полюса академической власти и мирского полюса экономического и социального признания. Относительно скудный капитал социологии в трех измерениях означает, что дисциплина характеризуется ограниченными возможностями получения символических и материальных ресурсов. Эта ситуация является продуктом институциональной истории дисциплины, её академически и социально неопределенного статуса как науки, состояния «двойной балканизации» и отсутствия профессиональной аккредитации. Вследствие этого социология оказывается на более низких позициях иерархического пространства академии, превращаясь во второстепенную и периферическую дисциплину. ■

Корреспонденцию направляйте Массимилиано Вайре <massimiliano.vaira@unipv.it>

> Конец глобальной эпохи?

Интервью с Мартином Элброу

Мартин Элброу, известный британский социолог, уже на заре своей карьеры сделал себе имя как исследователь Макса Вебера и автор широко известной монографии «Бюрократия» (1970). Он стал одним из первых теоретиков глобализации, опубликовав в 1996 году книгу «Глобальная эпоха: государство и общество за пределами модерна» (*The Global Age: State and Society Beyond Modernity*). Среди его работ — «Конструирование социальной теории Максом Вебером» (*Max Weber's Construction of Social Theory*, 1990) и «Есть ли чувства у организаций?» (*Do Organizations Have Feelings?*, 1997). Он учился у великого Норберта Элиаса, а затем получил степень доктора философии Кембриджского университета в 1973 году. Элброу преподавал социологию во многих странах. С 1985 по 1987 гг. он был президентом Британской социологической ассоциации, а с 1984 по 1990 гг. — редактором-основателем журнала *International Sociology*, издаваемого МСА. Он является почетным профессором Университета Уэльса и членом Британской академии общественных наук.

Это интервью состоялось по случаю лекции профессора Элброу на факультете социологии и социальной работы в Бухарестском университете (Румыния), организованной Отделом социальных наук Научно-исследовательского института Бухарестского университета ([ICUB](#)). Интервью провели **Раиса-Габриэла Замфиреску** и **Диана-Александра Думитреску**, докторантки факультета социологии Бухарестского университета.

Мартин Элброу.

РГЗ: Вы являетесь одним из пионеров социологии глобализации. Расскажите, пожалуйста, как Вы пришли к этой проблематике?

МЭ: Я считаю, что к теме глобализации я пришел сравнительно поздно. Моя карьера в социологии началась после того, как я получил степень по истории. После этого я поступил в Лондонскую школу экономики, начал заниматься социологией, а затем в 1961 году начал преподавательскую работу. В то время я работал над диссертацией о Максе Вебере. Написание диссертации заняло очень много времени, потому что у меня были обязанности преподавателя, и мои интересы были направлены в иное русло. В конечном итоге я решил сосредоточиться на социологии организаций. Моя первая книга была посвящена бюрократии. Она вышла в 1970 году.

РГЗ: И переиздана восемь раз.

МЭ: Да, эта работа была очень успешной. Не знаю, почему так случилось. Это всего лишь небольшая книга, однако социологи сочли ее невероятно полезной, и я много лет был известен благодаря ей. Став профессором, я обнаружил, что у меня типичная академическая карьера. Будучи профессором, я также стал президентом Британской социологической ассоциации. Это было в 1980-х годах. Я приобрел известность после редактирования журнала «*Sociology*» Британской социологической ассоциации, а затем меня пригласили редактировать журнал «*International Sociology*», издаваемый Международной социологической ассоциацией. Это стало важным решением моей профессиональной жизни. Произошло это в середине 80-х годов,

>>

когда «глобализация» приобрела важное значение. Когда я работал над завершением своей книги о Максе Вебере, я спрашивал себя: «Что бы сделал Макс Вебер сегодня, если бы был жив?» Я подумал, что он бы работал над этим новым направлением мировой истории. Помимо своих интеллектуальных проектов, Вебер всегда интересовался геополитикой: он также был политическим деятелем, и я пришел к выводу, что его, несомненно, привлекла бы проблематика глобализации.

Итак, я закончил свою книгу о Вебере и в том же 1990 году вместе с моей помощницей Элизабет Кинг собрал воедино серию докладов, ставших основой для книги «Глобализация, знание и общество: тексты по международной социологии» (*Globalization, Knowledge and Society: Readings from International Sociology*). Её публикация была приурочена ко Всемирному конгрессу МСА в Мадриде, и каждый из 4000 гостей конгресса из разных уголков мира получил по экземпляру книги. Так было положено начало использованию слова «глобализация» в нашей дисциплине.

РГЗ: Обращаясь к более недавним событиям, касающимся регионализма и глобализации, как Вы считаете, какое будущее ожидает Евросоюз после Брексита?

МЭ: Я считаю, одна из долгосрочных проблем Евросоюза заключается в том, что у него не получилось выработать четкого имиджа своей миссии, который можно было бы представить всему миру. Высказывания на тему глобальных проблем не звучали достаточно внятно и убедительно. ЕС слишком упорно фокусируется на внутренней политике. Это, несомненно, одна из его слабостей. Но я понимаю, что организации, состоящей из двадцати стран, невероятно трудно построить нечто когерентное. Невероятно трудно!

Что касается Брексита, полагаю, возможны два вида последствий для Европейского Союза. С одной стороны, это событие может побудить ЕС к укреплению, интеграции, признанию того, что он имеет недостатки и что ему необходимо улучшить координацию между странами-участницами. В этом случае на переговорах с Великобританией будет проще нащупать общую цель. Я считаю, что британское правительство хочет, чтобы Европейский союз был сильным. Никому не нужен слабый ЕС. Поэтому, если все стороны согласятся с тем, что это беспроигрышная ситуация, если Великобритания и ЕС смогут договориться, ЕС станет сильнее. Это одна из возможностей. С другой стороны, есть и иная возможность — и все должны опасаться ее реализации. Те же силы, что заставили Британию выйти из ЕС, побудят и других членов расстаться с Союзом. Существует несколько стран, в которых, как мы знаем, развиваются движения евроскептиков, антиглобалистов и противников ЕС-истеблишмента.

РГЗ: Каково Ваше мнение о шенгенской политике, отменяющей пограничный контроль в ЕС? Этот принцип стал объектом обширной критики, особенно после кризиса с беженцами.

МЭ: Что касается Шенгена, я думаю, мы получили шанс увидеть некомпетентность целого ряда национальных лидеров. Было слишком много разговоров о том, что «это принцип, по которому мы не можем вести переговоры, мы не можем идти на компромисс». Принципы никогда не реализуются полностью, компромиссы есть всегда. И великий принцип ЕС — свободное движение капитала, труда, услуг, товаров — не был доведен до совершенства ни в одной из стран. Так, например, свободное передвижение

людей варьируется от страны к стране в зависимости от таких обстоятельств, как законодательство в области социального обеспечения или права на проживание. Во многих городах даже введены собственные критерии получения вида на жительство. Вопрос о свободе передвижения между Великобританией и ЕС мог бы стать предметом обсуждения, а не решаться по принципу «всё или ничего». Другие ошибки связаны с кризисом беженцев: Меркель не следовало говорить «пусть приезжают все». Такая позиция фактически не имела политического смысла, но заставила другие страны вообще отказаться от беженцев, что нанесло значительный урон чувству принадлежности к единому сообществу.

ДАД: Сейчас много говорят о социальных медиа и социальных движениях. Как Вы считаете, в чём заключается влияние электронных коммуникаций?

МЭ: Молодым людям, выросшим в цифровой век, может казаться, что все социальные движения — результат цифровых технологий. Но я должен напомнить вам, что в 1968 году, задолго до распространения цифровых технологий, возникло всемирное молодежное движение. Кроме того, 1960-е были периодом так называемой контркультуры, когда произошло множество национальных революций и волнений в университетах. Интересной особенностью этих движений является их спонтанное появление в разных странах. Для этого совсем не обязательна единая координация. Движения вспыхивают как реакция на сходные условия в странах, близких по типу и со сходным уровнем развития.

Цифровая эпоха имеет значение. Технологии способствуют возникновению спонтанного и неожиданного лидерства. Давайте посмотрим на антиглобалистское движение. Крупнейшее событие произошло на встрече Всемирной торговой организации в Сизтле в 1999 году, почти двадцать лет назад. Тысячи людей приехали в Сизтл, особенно из Канады. Президент Клинтон должен был выступить с речью на встрече, но в конечном итоге был вынужден отменить её из-за демонстраций. Обычные средства массовой информации больше, чем социальные медиа, придали этому событию мировую известность. В 1999 году не было платформы Facebook. Поэтому эффекты дигитализации, я полагаю, возможно, преувеличены. Разумеется, они интенсифицируют общение, и в этом смысле они увеличивают скорость реагирования. Политики это понимают и поэтому теперь используют социальные сети для прямой коммуникации. Мы видим, что распространенность традиционной прессы — газет — идет на убыль, хотя телевидение все еще играет очень важную роль, потому что оно может работать в студийном формате и объединять людей, сводить их лицом к лицу, даже если они живут в разных странах.

У новых цифровых технологий есть значительные последствия в других сферах — безопасности, надзора, перехвата сообщений. Знания, которые власти получают друг от друга, их секреты и возможности взаимного взлома гораздо важнее простого общения. Теперь я знаю, что любое электронное письмо, которое я отправляю, может стать объектом хакерской атаки, и если кто-то захочет воспользоваться любой информацией, которую мы отправляем, то он сможет это сделать.

ДАД: Социологи издавна сравнивают общество с биологическим организмом, претерпевающим постоянные метаморфозы. Что вы думаете об этой аналогии?

>>>

МЭ: Ну, здесь мы говорим об эволюции. Процесс биологических изменений легче понять, чем процесс социальных изменений. Я думаю, основная причина в том, что при социальных изменениях процессы наследования, формирования идентичности и социальных образований являются культурно обусловленными. Одна из интереснейших особенностей человеческой культуры заключается в том, что люди освобождаются от условий, в которых рождаются, а также от принадлежности к социальным группам, в которые они были включены изначально. Опасность возникает из-за человеческой изобретательности, создания человеком средств разрушения, которые угрожают остальному человечеству — и я подразумеваю под этим не только бомбы, но и изобретенные человеком биологические организмы и вирусы. В отличие от относительно медленного технологического прогресса, который мог бы привести к биологическому совершенствованию человека, развитие различных видов робототехники может сделать нас лишними во многих отношениях. Наша изобретательность создала серьезные угрозы для человеческого рода.

РГЗ: Наверное, «Глобальная эпоха» — самая известная Ваша книга. Как Вы оцениваете ее сегодня, особенно в свете Ваших утверждений о политической динамике?

МЭ: «Глобальная эпоха» была написана в середине 1990-х годов — двадцать лет назад. Меня интересовало, почему новый язык «глобального» стал настолько популярным. Я пришёл к выводу, что события 1945 года, а затем и события 1970-х годов стали новым признанием глобальных проблем, то есть вызовов планетарного масштаба. Это не то же самое, что «глобализация», которая в узком смысле является идеологией, используемой Соединенными Штатами для продвижения своих интересов в мировой экономике — очень особенная версия понимания глобальности. В те послевоенные годы большими проблемами были угроза ядерной войны, угрозы для окружающей среды, рост бедности, загрязнение Мирового океана и т. д. Эти проблемы можно было решить только в глобальном масштабе. Именно поэтому язык глобального стал для меня настолько важным.

Глобализация стала политическим вопросом в контексте господства Америки, особенно после 1989 года и краха Советской империи. Таким образом, «Глобальная эпоха» была в действительности написана как ответ тем, кто считал, что глобализация является единым, однонаправленным процессом. Глобальная эпоха — это эпоха, в которую люди всего мира в своей совокупности находятся под угрозой.

Итак, что изменилось за эти двадцать лет? Я считаю, что в настоящее время политика глобальной эпохи кристаллизуется. Мир разделен надвое. С одной стороны, есть просвещенные, глобализированные или образованные люди, которые используют преимущества глобального мира и понимают, в чем заключаются его проблемы. Эти люди, как правило, являются лидерами либо оппозицией, и они формируют доминирующие политические полюсы в каждой стране. С другой стороны, есть остальные. И разрыв между этими двумя группами всё возрастает.

Политика глобальной эпохи стала транснациональной. Поэтому всё, что происходит в какой-либо конкретной стране, должно рассматриваться как один из аспектов глобализированной политики. Это, я думаю, стало намного яснее именно сейчас. Таким образом, по иронии судьбы, когда кто-либо слышит и читает о возможной смене власти в Нидерландах или о том, что происходит в Эквадоре, он может понять эти изменения только с точки зрения отношений между элитами стран мира и местным населением. Это глобальная рамка. Невозможно понять политические события в одной стране без ссылки на то, что происходит в других местах. В этом заключается моё видение глобальной эпохи. Полагаю, что события последних двадцати лет лишь углубили эти тренды. В этом отношении я считаю, что дигитализация имеет столь большое влияние, что люди могут терять из виду глобальное и все более погружаться в мир сетей, связей и отношений.

ДАД: Оглядываясь на свою карьеру, какие три предмета Вы хотели бы изучать, если бы могли повернуть время вспять?

МЭ: Я воспитывался в системе, которая проводила радикальное разделение между естественными и гуманитарными науками, поэтому я бросил естественные науки, когда был совсем молод. Теперь я понимаю, что интеллектуальные проблемы естественных и социальных наук имеют гораздо больше общего, чем считается. Хотелось бы лучше разбираться в некоторых фундаментальных вопросах естественных наук, касающихся теории сил, а также языка, который мы можем использовать для описания этих сил. Поэтому мое первое желание — знать больше о естественных науках.

Теперь о второй мечте. Еще в школе я был очарован Китаем, и когда я поступил в Лондонскую школу экономики, мне выпала честь посещать семинар, который вел очень хороший синолог. Я написал несколько эссе о Китае. Впоследствии, в 1980-х годах, я даже посетил Китай. Но никогда, ни в один из моментов моей карьеры, я не изучал китайский язык. Я изучаю его сейчас, и мне жаль, что я не изучал его, когда мне было восемнадцать, потому что это принципиально другой тип языка, другой вид мышления — и такой отличный взгляд на мир был бы прекрасным преимуществом, когда мне было восемнадцать.

Третье желание: я полагаю, было бы неплохо иметь более широкое представление о религии, чем то, что было у меня в молодости. Я воспитывался в традициях англиканской церкви, затем стал студентом и превратился в агностика. По мере того, как я становился старше, я начал понимать, что религии мира таят в себе глубокую мудрость. Здесь, в Румынии, конечно, жил один из самых замечательных теоретиков религии — Мирча Элиаде. Я не читал Элиаде, пока мне не исполнилось 50 лет. А должен был прочесть, когда мне было 20... ■

Корреспонденцию направляйте:
Мартину Элброу <albrowm@hotmail.com>
Диане Думитреску <diana.dumitrescu@icub.unibuc.ro>
Раисе-Габриэле Замфиреску <raisa.zamfirescu@gmail.com>

> Колониальное наследие в Косово

Интервью с Ибрагимом Беришей

| Ибрагим Бериша.

Ибрагим Бериша родился в Республике Косово. Он закончил бакалавриат по философии и социологии в Приштине, а затем аспирантуру в Загребе (Хорватия), где получил степень доктора социологии коммуникаций. После нескольких лет работы в качестве журналиста и редактора в Косово и за рубежом он стал преподавателем на факультете социологии в Университете Приштины (Косово). Он опубликовал несколько книг по социологии коммуникаций и социологии культуры, а также несколько сборников прозы и поэзии. Его последняя книга — «Смерть колонии». Приведённое ниже интервью провёл Лабинот Кунушевци, магистр социологии Университета Приштины.

ЛК: В книге «Смерть колонии» вы описываете историю Косово как историю колонии. Что вы имеете в виду?

ИБ: Во-первых, важно помнить, что колонизаторы отличаются друг от друга, как отличаются и колонизированные народы. Но в каком смысле? Например, колонизаторы различаются нарративами, которые помогают им выстраивать процесс колонизации. Также различаются цели, на достижение которых направлены данные нарративы. Существует значительная разница между колонизаторскими целями Франции в Алжире, Англии в Индии и Бельгии — в Конго.

Сербская государственная колонизация в Косово началась с мифов, а затем расширилась и стала преследовать экономические, политические и экспансионистские цели. Европейские государства не основывали свои колониальные устремления на мифах или конструировании определенных исторических событий (в отличие от сербской колонизации Косово, которая создавала нарратив о Косовской битве 1389 года, стремясь «исправить историю»).

ЛК: Не могли бы вы подробнее рассказать нам о целях сербской колонизации Косово и об отличии её от более знакомых нам форм колониализма?

>>

ИБ: Отличаются как цели, так и процесс. Британцы не ставили перед собой цели уничтожить все население Индии, а Сербия в Косово ставила именно такую цель. В Сербии государство попыталось провести полную этническую чистку албанского большинства в Косово. Политическое вмешательство легитимизировалось на основании идеи о том, что Косово раз и навсегда, любым способом нужно очистить от албанцев. Такие попытки предпринимались несколько раз, последняя из них — трагическая война 1998–1999 гг. В этом «упражнении» участвовали не только сербские государственные власти, но и религиозные, культурные, академические учреждения и деятели культуры.

Выражаясь проще, с точки зрения французов Алжир был землей, населенной алжирцами, и было ясно, что французы, в конце концов, уйдут из Алжира. В случае Сербии Косово рассматривалось как территория, лишь временно населенная албанцами, и оккупация была необходима до того, как они окончательно исчезнут с этой территории.

ЛК: Как Вы считаете, стратегии колонизации строились на государственных проектах или были сформированы переселенцами?

ИБ: Стратегии колонизации предназначены для создания конкретных эффектов; в Косово это были социально-демографические изменения. Структура и архитектура городов и сёл изменились везде, где сербы селились в Косово, начиная с XX века. Восстановление средневековой истории изменяло и вдохновляло эти изменения наряду с иконографическими образами, созданием новых деревень и городов, школ, дорог, экономическими изменениями. Структуру населения можно было легко изменить в городах и поселках, поскольку туда была направлена вся сербская администрация с ее военными офицерами, жандармерией, судьями и (в той или иной степени) политиками. Усадьбы, экспроприированные у законных албанских владельцев во имя аграрной реформы, были переданы колониальным поселенцам.

В рамках последней аграрной реформы в коммунистический период семьям в деревнях позволили владеть не более чем десятью гектарами земли и леса. Такое лишение имущества разорило множество жителей региона. В 1950 году сельская семья из 60 человек должна была довольствоваться десятью гектарами земли. В этот момент началась экономическая миграция. Молодежь стала переезжать в Белград и другие югославские города, чтобы заниматься чёрной работой. Пекари, кондитеры, плотники и другие ремесленники покинули Косово, потому что в родном краю для их продуктов больше не осталось покупателей. Но они не потеряли связь с домом, продолжая посылать туда деньги.

Напротив, когда сюда переезжали колонизаторы, они получали полную финансовую поддержку властей. Как выглядел этот социально-демографический процесс на практике? Если в 1912 году сербы составляли пять процентов населения Косово, в 1939 году их доля выросла до 40 процентов. Сегрегация албанцев в деревнях и на неурбанизированных территориях городов лишала их доступа к плодам социального прогресса. Затем эта изоляция использовалась

политическим истеблишментом для того, чтобы оправдать обращение с албанцами как с гражданами второго сорта. В течение многих лет албанцы были лишены права на образование (например, преподавание в университетах на албанском языке началось лишь в 1970 году), они обнищали, лишившись своих земельных владений, и жили будто бы на изолированном острове. Из всех народов бывшей Югославии только албанцы говорили на неславянском языке — и это ещё один фактор, способствовавший их изоляции.

ЛК: Нередко можно услышать, что в коммунистический период власти Тито положение албанцев было намного лучше как в политическом, так и в экономическом плане. Действительно ли это так?

ИБ: Правительство в Белграде не могло согласиться с тем, чтобы албанцы стали сообществом, наделенным равными правами и обязанностями с сербами. То, что произошло в период правления Тито, можно назвать косметическими изменениями без настоящих реформ. Албанцы были третьими по численности народом Югославии после сербов и хорватов, но югославское государство активно работало над тем, чтобы изменить положение дел. В 1950-х около 200 000 албанцев эмигрировали из Косово. Чтобы избежать государственных преследований, они массово начали изменять национальную идентичность: число «турок» в Югославии, то есть преимущественно албанцев, ищущих защиты через смену идентичности, выросло на 260 процентов: с 97 945 в 1953 году до 259 536 в 1961 г.

В эпоху Тито колонизация продолжила свое наступление. Косово считалось регионом, богатым полезными ископаемыми (свинец, цинк, серебро, уголь, магний и другие минералы), однако руда обрабатывалась в Сербии, Воеводине и других местах. Поэтому Косово не могло выбраться из состояния отсталости.

ЛК: Как смотрела албанская социология на сербскую идеологию политического, этнического и культурного господства в Косово?

ИБ: Албанская социология в Косово довольно молода. В течение уже достаточно продолжительного периода в ней господствуют догматизм и доктринёрство. Факультет социологии и философии открылся в Приштине в 1971 году, а самый известный албанский социолог, профессор Фехми Агани, написавший влиятельную книгу «Социологические и политические исследования», был казнён в 1999 году во время косовской войны. Укшин Хоти, ещё один профессор факультета социологии Университета Приштины, был арестован по политическим причинам в 1990-е за выступления в защиту свободы слова. С 1999 года он числится в списке пропавших без вести. Профессор Хоти, получивший образование в США, также работал в сфере политической социологии.

Сегодня команда молодых социологов сумела расширить спектр тем, изучаемых дисциплиной: культура, социальная структура, гендерное равенство, коммуникации, политика и так далее. Эти молодые социологи в большинстве своем получили образование за границей. Они стали источником иного подхода к методологической эксперти-

зе. Они интересуются другими вопросами. То, что молодые социологи больше не рассматривают социологию сквозь идеологическую призму — призму, используемую в качестве пропаганды и мешающую развитию критического взгляда, — несомненно, является признаком прогресса.

ЛК: Каковы последствия колонизации, ощущаемые на сегодняшний день?

ИБ: Мы живем в постколониальный постсоциалистический период. После нескольких непростых десятилетий общество Косово находится в процессе реконструкции, старается интегрироваться в международные финансовые, политические и культурные институты. Однако, эта интеграция, казалось бы, дающая надежду, не приносит результатов, на которые рассчитывает население. Разочарование, отсутствие свободы передвижения, безработица (особенно среди молодежи) напоминают жителям Косово о прошлом, о наследии дискриминации и отсталости.

Неспособность нынешней политики обеспечить социальное равенство превращает молодое поколение в циников. Большинство хочет покинуть Косово и рассматривает глобальный рынок труда как возможность построения лучшего будущего. Но успех на международном рынке требует инвестиций и изменений в системе образования.

ЛК: Как мифы и пропаганда повлияли на условия жизни в Косово и как это породило чувство неполноценности среди албанцев? Смогли ли албанцы противостоять сербскому господству?

ИБ: Балканы — большой сад иллюзий. Кто будет носителем этих «славных воспоминаний» в будущем? Интеллектуалы, художники и посредственные политики. Они используют обманчивые слова, чтобы успокоить публику: родина, нация, герои и мифы. В их языке преобладает фольклорный патриотизм и прославление нации наряду с высокомерием и угрозами. Они служат политикам, которые борются за власть, не заботясь о тех, кем они правят. Многие из них живут в прошлом и стремятся привлечь внимание общественности, играя на эмоциях людей, которые на самом деле хотят лишь рабочих мест и благополучия.

В таком социальном контексте широко распространена индоктринация. За последние пять лет многие молодые люди присоединились к ИГИЛ в Сирии и Ираке, отозвавшись на пропаганду, заполняющую политический вакуум и играющую на их чувстве безысходности.

ЛК: Какую роль сегодня играет югославский контекст в политике Косово?

ИБ: Югославия отошла в прошлое. Она была создана на основании культурного и политического движения, построенного на географической близости и исторических, национальных и языковых связях между южными славянами. Это образование, которому не суждено было выжить, потому что оно не было построено на принципах равенства. Албанцы пострадали во всех отношениях, и поэтому Югославии сегодня нет места в их политическом сознании. ■

Корреспонденцию направляйте:
Ибрагиму Берише <iberisha5@hotmail.com>
Лабиноту Кунушевци <labinotkunashevci@gmail.com>

> Энергетическая политика в Отаутахи после катастрофы

Стив Мэттьюмэн, Университет Окленда,
президент Социологической ассоциации Аотеароа — Новой Зеландии

Соборная площадь Отаутахи (Крайстчёрча)
после землетрясения 2011 г.

На планете, все сильнее охватываемой урбанизацией и сталкивающейся с беспрецедентными диспропорциями в богатстве, глобальным потеплением и перспективой массового вымирания, вопрос о том, как в городах жить экологично и справедливо, приобретает всемирно-историческое значение. Большая часть населения мира в настоящее время проживает в городах. К 2050 г. две трети населения мира будут жить в городах и в обществах, все более склонных к неравенству. Как предупреждает Генеральный секретарь ООН Пан Ги Мун, «растущее глобальное неравенство, усиление воздействия стихийных бедствий, быстрая урбанизация и чрезмерное потребление энергии и природных ресурсов угрожают ростом рисков до опасного и непредсказуемого уровня, имеющего системные глобальные последствия».

Будучи основными потребителями энергии, города играют ключевую роль в построении устойчивого энергетического будущего. В настоящее время они отвечают за три четверти глобального энергетического спроса, и если урбанизация продолжится, как ожидается, к 2030 году миру потребуются инвестировать около 90 трлн долларов США в инфраструктуру городов/землепользования/энергетики. По оценкам Международного энергетического агентства, лишь для развития энергетической инфраструктуры в течение следующего десятилетия понадобится 16 трлн долларов США. Электроэнергетический сектор поглотит большую часть этих инвестиций. Следовательно, добыча энергии и построение адекватной инфраструктуры для этого являются чрезвычайно значимыми вопросами.

Аотеароа — Новая Зеландия является одной из наиболее урбанизированных стран мира. С начала 1980-х годов здесь также зарегистрирован наибольший рост уровня экономического неравенства в мире. Недавно мы

приступили к трехлетнему научно-исследовательскому проекту, посвященному энергетической инфраструктуре в городе Отаутахи (Крайстчёрч), недавно пережившем катастрофу.

Обычно полная перестройка города представляется невозможной. Однако землетрясения в Кентербери в 2010 и 2011 годах предоставили уникальную возможность заново отстроить город, исходя из принципов экологичности и равенства; построить инклюзивную и устойчивую систему электроснабжения, способную выдержать потрясения и стихийные бедствия, рост населения и антропогенные изменения климата.

Мы рассматриваем Крайстчёрч как подобие всемирной лаборатории: в то время как исследователи часто сосредотачиваются на изучении мегаполисов, большая часть населения планеты живет и продолжит жить в небольших городских центрах с населением до полумиллиона человек. И, как и Крайстчёрч, города во всем мире сталкиваются с вызовами климатических

изменений и повышения уровня моря. «Крайстчёрч подобен любому другому современному городу, который должен строиться с учетом природных опасностей ... [но] он уникален потому, что невероятное количество проблем одновременно всплыло на поверхность из-за произошедших недавно землетрясений. Восточная часть города, значительная часть которой погрузилась в воду на метровую глубину, превратилась в международную испытательную площадку и стала примером абсолютно плоского, как блин, города, расположенного на уровне Мирового океана».

Первые результаты реконструкции были многообещающими. Ни один город сопоставимого размера не видел такого высокого уровня инвестиций. Более того, Крайстчёрч стал первым городом Отеароа — Новой Зеландии, разработавшим показатели потребления энергии в режиме реального времени и одним из первых мире, подписавших программу «Города пионируют будущее», создав форум обмена информацией, направленной на улучшение качества городской жизни. Он также состоит в списке «ста негиббемых городов», составленном Фондом Рокфеллеров.

Тем не менее, несмотря на ситуацию «чистого листа», обеспеченную землетрясениями, в процессе реконструкции преобладает стандартная модель ведения бизнеса. Электричество по-прежнему централизованно генерируется крупными гидроэлектростанциями, распределение монополизировано несколькими частными корпорациями, отсутствует инфраструктура солнечной энергии, распределение энергии, генерируемой самими потребителями, остается минимальным, и, несмотря на то, что Новая Зеландия обладает завидными ресурсами энергии ветра, они едва ли используются.

Если рассматривать ситуацию в более широком контексте обеспечения электроэнергии на общегосударственном уровне, будет особенно очевидно, какие колоссальные возможности упускаются. В середине XX века вся энергия в Новой Зеландии была возобновляемой. Ее получали на гидроэлектростанциях и в горячих источниках. Сегодня ископаемое топливо составляет треть национального энергобаланса. Как отмечают Бенджамин Совакуол и Чармейн Уоттс, в этом плане электроэнергетический сектор Новой Зеландии «является уникальным в том смысле, что со временем он становится менее возобновляемым».

Теоретически переход к стопроцентному обеспечению страны возобновляемой энергией не должен быть сложным шагом. Преимущества использования возобновляемых источников энергии

прекрасно известны и не подвергаются сомнению. Они помогают снизить негативные побочные эффекты (такие как показатели загрязнения воздуха на киловатт-час), способствуют стабилизации и прогнозируемости цен на топливо, приводят к снижению выбросов парниковых газов и уменьшению потребления воды. Помимо этого, использование возобновляемых источников энергии способствует созданию рабочих мест на низовом уровне. В целом, возобновляемые источники энергии представляются значительно более экономичными. Они сулят перспективы еще большей устойчивости, вовлекая локальные сообщества и тем самым расширяя спектр их прав и возможностей.

На практике переход к стопроцентно возобновляемым источникам энергии также не должен быть сложным и является вполне осуществимым при использовании современных технологий. Отеароа — Новая Зеландия обладает богатыми природными ресурсами; наше правительство утверждает, что мы занимаем первое место в мире по количеству возобновляемых ресурсов на душу населения. У нас лучшие возможности в мире для использования энергии ветра. Мы великолепно обеспечены солнечным светом и многочисленными озерами и реками. Если подключить к этому энергию геотермальных источников, то, по мнению Совакуола и Уоттса, электроэнергетический сектор страны может уже к 2020 году полностью перейти на использование возобновляемой энергии.

Однако вопросы энергетики всегда переплетаются с политическими и экономическими интересами, а новые технологии и истощение природных ресурсов могут иметь меньшее значение, чем социальные, культурные и институциональные факторы, в том числе и государственная политика. Нередко политические элиты и старые отраслевые игроки заглушают голоса экспертов по энергетике, представителей коренных народов и низовых активистов — до такой степени, что основной барьер, стоящий на пути внедрения возобновляемых источников энергии, заключается в том, что власти предрасположены предпочитать крупные электростанции.

Поэтому жизненно необходимо проведение социологических исследований для выявления тех, кто принимает ключевые решения, для изучения оснований, на которых они это делают, а также последствий этих решений. Парадоксально, однако, что общественные науки в основном игнорируют изучение энергии и инфраструктуры — матрицы современного существования. Хотя в последние годы ситуация стала меняться, поскольку энергетические системы все чаще признаются социальными

системами. Общественные науки выказывают признаки нового «поворота к инфраструктуре». Современные социологи изучают, что такое инфраструктура и каковы их функции. Напомним, что инфраструктуры определяются как средства выживания и способы управления; они являются посредниками между природой и культурой, распределяют социальные и экологические выгоды и ущербы, связывают локальное с глобальным и обеспечивают базовые основания современной жизни, как мы ее себе представляем.

Реконструкция городов — сложная задача, и общество сталкивается с ней не так уж часто. В Отеароа — Новой Зеландии такая потребность последний раз возникла в 1931 году после землетрясения в Нейпире. В Крайстчёрче сегодня многое еще предстоит сделать: восстановление происходит медленно, болезненно и крайне проблематично. Опросы местного населения постоянно демонстрируют огромный уровень неудовлетворенности приоритетами правительства, проявляющимися в процессе восстановления.

Но существуют и основания для оптимизма. «Реакция руководства маори на стихийные бедствия в Крайстчёрче и последующий процесс восстановления городов представляют собой образец лучшей практики», — отмечают Кристина Кенни и Сюзанна Фиббс. «При устранении последствий чрезвычайной ситуации инициативы по управлению рисками, которые применили маори, были солидарными, эффективными и определялись *каупапой* (культурными ценностями), в частности, принципом «*ароха нуи ки те тангата*» (делись любовью со всеми). После стихийных бедствий жители Отаутахи продемонстрировали потрясающую изобретательность во «временном урбанизме», краткосрочных общинных инициативах — общественных садах, площадках для мероприятий и парках, способных повысить качество жизни в городе.

Могут ли инновации, которые вводятся на уровне локального сообщества, послужить примером для создания более устойчивых и долговечных городских структур? Сейчас, когда мы начинаем трехлетнюю исследовательскую программу, посвященную реконструкции города с чистого листа, мы надеемся, что уроки, которые мы извлечем из сложившейся ситуации, помогут обеспечить новаторское понимание, практическое руководство и политические соображения для тех, кто планирует переход к надежным, прозрачным, справедливым, культурно приемлемым и устойчивым системам электроснабжения. ■

Корреспонденцию направляйте Стиву Мэттьюмэну <s.matthewman@auckland.ac.nz>

> Креативные виды спорта в социальных пространствах, переживших катастрофы

Холли Торп, Университет Ваикато, Аотеароа — Новая Зеландия

Холли Торп в одном из новых скейт-парков.

В контексте войн и стихийных бедствий дети и молодёжь считаются наиболее уязвимыми категориями. Тем не менее, подверженность физическим, социальным, психологическим и политическим рискам не означает, что эти социальные категории следует рассматривать как «жертвы», поскольку такой подход оставит за кадром их уникальные формы деятельности, их креативность и изобретательность.

В стремлении выйти за рамки «дефицитной модели» я начала трёхлетнее сравнительное исследование, в котором нашлось место для локальных голосов. Центральной темой моего исследования, выполненного при поддержке Фонда Марсдена Королевского общества Новой Зеландии, стал жизненный опыт молодых людей в контексте войн, конфликтов и стихийных бедствий. Два кейса в рамках этого проекта посвящены молодёжи, занимающейся несоревновательными видами активного спорта в контексте нестабильной политической обстановки и непрекращающегося конфликта. Первый кейс рассказывает о «Скейтистане», афганской некоммерческой школе скейтбординга для неблагополучных детей. Во втором кейсе рассматривается любительская паркур-группа в секторе Газа. В рамках двух других кейсов я изучаю социальное, психологическое и гражданское значение активных видов спорта для молодых людей, живущих в сообществах, находящихся в процессе длительного восстановления после стихийных бедствий. Конкретно мы рассматриваем новозеландский город Крайстчёрч после землетрясений 2010 и 2011 гг. и Новый Орлеан после урагана Катрина в 2005 г.

Первичные результаты наших исследований в пережившем землетрясение Крайстчёрче (Аотеароа — Новая Зеландия) уже дают некоторое представление о том, что молодые люди пользуются широким спектром (часто изобретательных) способов повседневного ориентирования в плюралистических, пересекающихся структурах власти. При этом в фокусе нашего исследования — спортивные занятия и гражданское участие детей и молодёжи. В результате землетрясения 2011 г. в Крайстчёрче погибли 185 человек, около двух тысяч получили ранения. Стихия сровняла центр города с землёй и разрушила почти 200 тысяч домов. Землетрясение уничтожило не только жизненно важную инфраструктуру (дороги, канализацию, водоснабжение), но и спортивные сооружения: спортзалы и спортклубы, площадки для игр, бассейны, стадионы. Восстановление этих объектов редко становится задачей первой необходимости, однако их отсутствие ощущается очень остро в первые недели и месяцы после бедствия, когда жители стремятся вернуться в привычную жизненную колею. Я отдаю должное посттравматическому опыту профессиональных спортсменов и жителей, занимающихся спортом на организованной, соревновательной или любительской основе, однако главный фокус моего исследования — опыт людей, которые с большой самоотдачей занимаются несоревновательными, нерегулируемыми или «уличными» видами спорта. Я изучаю то, как меняется характер спортивной активности этих людей в условиях восстановления от последствий землетрясения.

Сразу после землетрясения большинство жителей воспринимало занятия спортом как второстепенные по отношению к обеспечению здоровья и благополучия семьи и дру-

зей. Однако спустя несколько недель после бедствия многие осознали, насколько снизилась их спортивная активность в связи с катастрофой. Как объяснила Эмма, любительница сёрфинга: «Как только мы более-менее разобрались с повседневными делами, мы осознали, что огромная часть нашей жизни просто исчезла». Многие отмечали, что ущерб, нанесённый любимым спортивным пространствам, нарушил ход привычных, глубоко устоявшихся, спортивных практик. Для скейтбордистов превращение центра в опасную зону привело к потере любимой городской площадки. Скалолазы лишились не только зала для тренировок, но и сотен трасс в горах Порт-Хиллс. В той же местности до землетрясения пролегал сотни велосипедных дорожек, которых лишились горные велосипедисты Крайстчёрча. В результате массового ущерба, нанесённого основным канализационным коллекторам, городской совет Крайстчёрча был вынужден направить стоки в местные реки. Это привело к тому, что местные пляжи закрылись на девять месяцев, а это, в свою очередь, воспрепятствовало повседневным практикам серфингистов и других посетителей пляжей.

Участники исследования описывали сильную физическую, эмоциональную и психологическую реакцию на нарушение их спортивных практик. Некоторые из них сильно переживали по поводу разрушения спортивного пространства: «Я очень огорчена, что мы лишились этих мест, — говорит японская скалолазка Юкими, — там были мои любимые трассы, мои проекты. Мне их не хватает».

Культурный географ Тим Эденсор пишет, что люди часто стремятся минимизировать эффекты сильного потрясения, стараясь «восстановить знакомые пространства, порядки и режим деятельности». Несомненно, так поступали многие уличные спортсмены Крайстчёрча: многие из них цеплялись за знакомый распорядок встреч спортивных клубов и тусовок, чтобы справиться с повседневным стрессом, восстановить личную и коллективную идентичности и укрепить чувство принадлежности к новому Крайстчёрчу. К примеру, многие серфингисты переместились на незагрязнённые пляжи за пределами Крайстчёрча, а скалолазы стали организовывать групповые поездки на бouldеринговые трассы. Пляжи и скалолазные трассы за городом стали, по определению Эллисон Уильямс, «терапевтическими ландшафтами».

Для некоторых жителей Крайстчёрча спортивная активность стала спасением (пусть и временным) от напряжённой повседневной жизни. Так, например, серфингист Аарон рассказывает о значимости спорта для формирования солидарности: «В сёрфинге чувствуется сильный дух сообщества... Приходишь домой [с сёрфинга] и, по меньшей мере, несколько дней находишься в состоянии душевного спокойствия».

Некоторые представители молодёжи Крайстчёрча, помимо прочего, начали восстанавливать пространства, разрушенные землетрясением, демонстрируя творческий подход к последствиям бедствия. Так, например, некоторые скейтеры, опираясь на антиавторитарный подход «сделай сам», характерный для их спортивной культуры, организовали скейт-парки в зданиях, предназначенных к сносу.

Трент, участник исследования, описывает захват полуразрушенных зданий как «привет всем тем, кто смотрит на нас свысока и считает, что мы просто придурки, бесполезные скейтеры». Вместо того чтобы «сидеть и ныть о том, как всё разрушено, [мы] идём, делаем, и говорим: "Смотрите, во что можно превратить эти развалины!"» Креативно подходя к использованию локусов, повреждённых стихией, скейтбордисты конструируют новые пространственные представления о пострадавшем от землетрясения городе. Тем самым они неявным образом разрушают доминирующее восприятие зоны землетрясения как мёртвого, исковерканного пространства, годного только на снос.

Представляется, что в контексте землетрясения альтернативные спортивные практики предлагают возможность переопределить географию физического и эмоционального потрясения, восстановить социальные сети и связи. Однако такие начинания в сфере активных видов спорта могут приобретать эксплуататорский и коммерческий аспекты. Так, например, в 2015 году американская джинсовая корпорация Levi Strauss объявила, что пожертвует 180 тысяч новозеландских долларов на постройку общественного скейт-парка.

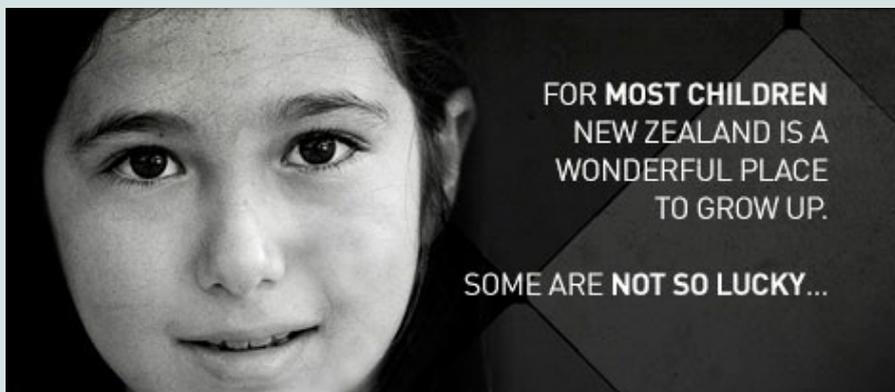
Большинству молодых людей и их родителей очень понравился скейт-парк, спонсированный компанией. Они приняли предложение транснациональной корпорации с распростёртыми объятиями, не подвергая критике это инвестиционное решение. Однако несколько местных жителей оставили на онлайн-форуме Городского совета сообщения, в которых выражали обеспокоенность экономическими мотивами инвестиций Levi Strauss в восстановление Крайстчёрча, а также интересовались, насколько к этому причастен Городской совет. Вот примеры комментариев: «Нам нужны изобретательные способы [sic] максимально восстановить [нашу] среду, а не коммерческое рекламное бельмо на глазу», «Levi's — транснациональная корпорация, которая хочет выставить себя в наиболее выгодном свете, им наплевать на сообщество». В этих отзывах отражается обеспокоенность местных жителей тем, что Наоми Кляйн называет «капитализмом катастроф»: в смятении, порождённом землетрясением, и отсутствии государственного финансирования для спортивных и рекреационных пространств международная корпорация увидела для себя уникальную маркетинговую возможность.

Исследование, которое мы в данное время проводим, вероятно, впервые в мире рассматривает то, как неформальные спортивные практики предлагают разнообразные возможности для повышения уровня жизни в условиях войн и стихийных бедствий, а также изучает различные механизмы власти, содействующие или препятствующие этим усилиям. Наше исследование демонстрирует изобретательность молодёжи, реагирующей на локальные условия, однако в то же время находящейся под влиянием мировых структур власти и транснациональных сетей. ■

Корреспонденцию направляйте Холли Торп <thorpe@waikato.ac.nz>

> Умалчивая насиллие

Элизабет Стэнли, Университет королевы Виктории в Веллингтоне, Аотеароа — Новая Зеландия

Постер новозеландской организации «Child Matters» против жестокого обращения с детьми.

В свете результатов голосования Брексит и прихода Дональда Трампа к власти на новозеландский сайт, посвящённый миграции, посыпались запросы от людей, желающих покинуть родную страну. Новая Зеландия, безусловно, привлекательна: кинорежиссёры любят наши восхитительные пейзажи, а наша земля изобильна — буквально молочные реки и кисельные берега. Нас считают гостеприимной и прогрессивной страной, заботящейся о соблюдении прав человека. Новозеландские женщины в 1893 году первыми в мире получили право голосования. После Второй мировой войны «киви» (новозеландцы) сыграли центральную роль в развитии международных прав человека. Кроме того, во всём мире широко известен наш реституционный подход к преступности.

Однако если присмотреться, блеск Новой Зеландии начинает тускнеть. Налицо рост бедности, высоки показатели сексуального насилия, а неокOLONиальный контекст оборачивается большим процентом заключённых среди коренного населения — маори. Картина, привлекательная для потенциальных иммигрантов, скрывает политику и практики исключения, маргинализации и криминализации.

Нигде эта политика не становится столь очевидной, как в случае реакции новозеландских властей на систематическое жестокое обращение с детьми со стороны взрослых работников органов опеки и институциональных учреждений для детей-сирот. За последние несколько лет тысячи новозеландцев проявили мужество и рассказали о случаях насилия, пережитого ими в детском возрасте. В своей книге «Дорога в ад» (*The Road to Hell*) я собрала истории о государственной опеке и жизни в домах-интернатах, рассказанные 105 жертвами насилия. Это лишь малая доля от более чем ста тысяч детей, которые прошли через воспитательные учреждения в период с 1950-х по 1990-е гг.

Эти истории заставляют содрогнуться. Работники системы государственной опеки часто разделяли братьев и сестёр, помещая их в разные учреждения за сотни километров друг от друга. Они держали детей в тёмных, изолированных одиночных камерах неделями и месяцами, а за

непослушание или попытку побега могли наказать электрошоком. Детям, которые жаловались на сексуальное насилие со стороны эксплуататоров-взрослых, велели молчать. В домах-интернатах часто были проблемы с школьными помещениями, и детям-«начальникам» поручали следить за поведением сверстников. Социальные работники говорили подопечным, что их никто не любит, жестоко и унижительно наказывали их за мельчайшие провинности — например, пороли до крови или заставляли оттирать пол зубной щёткой. Они относились к детям как к заключённым, игнорируя относительно прогрессивные законы и установленные правила работы государственных учреждений для детей-сирот, превращая дома-интернаты в полные кошмаров источники травматического опыта.

Через много лет пострадавшие от насилия стали открыто говорить о своём прошлом — о том, как госучреждения наносили им прямой вред или отказывались предоставить защиту. Описывая долгосрочные последствия пребывания в воспитательных домах: от депрессий до посттравматического синдрома, тяжёлых состояний тревожности, химических зависимостей, бытового насилия и тюремных сроков — потерпевшие надеялись, что их опыт обретёт широкое признание и понимание.

Вместо этого новозеландское правительство задраило люки. Многие другие страны, такие как Австралия, Канада, Великобритания и Ирландия, пытаются преодолеть сложности, связанные с обнародованием опыта, пережитого жертвами насилия, и стараются обеспечить им персональную поддержку. Однако реакция Новой Зеландии — это болезненный урок, демонстрирующий, как государство может манипулировать истиной с целью сохранения легитимности, защиты своих интересов и финансов вне зависимости от последствий.

Большинство пострадавших от насилия обращались за компенсацией в «Отдел рекламаций, связанных с историческим опытом», принадлежащий к Министерству социального развития. К сожалению, Минсоцразвития само является частью государства, против которого выдвигаются обвинения. Множество потерпевших никогда не станет

>>

доверять институту, ответственному за их виктимный опыт. Они не верят в независимость Отдела от «вышестоящих инстанций». Питер, один из пострадавших в детстве от институционального насилия, отметил: «Это (обращение к властям — ред.) как запись на бессмысленное анальное обследование... Они не дадут тебе удовлетворительного ответа».

Действительно, многие пострадавшие сталкиваются с культурой отрицания и унижения внутри Министерства, следствием которой стал многолетний отказ от регулирования существенных претензий, связанных со случаями насилия. Часто в основе этого лежит безосновательное предположение, что о каждом случае нарушения прав детей существует официальная запись. Пострадавшим говорили, что их претензии не имеют основания, так как в документах нет ни одной записи, подтверждающей факт жестокого обращения.

Министерство также возлагает на потерпевших вину за сохраняющиеся проблемы. Оно заявляет, что тяжёлые психические последствия не связаны с жестоким обращением со стороны органов опеки, а являются следствием другого жизненного опыта. К примеру, Сью сообщили, что её претензии безосновательны, а корень всех её проблем — в алкоголизме, которым она страдает с ранних лет. Власти отказались признать связь между алкоголизмом Сью и пережитым ею опытом насилия, сексуального домогательства, одиночного заключения и качеством образования в детском доме, где она выросла.

Несколько лет назад Министерство организовало «ускоренный» процесс рассмотрения заявления, посредством которого было урегулировано более 700 претензий. В результате многие потерпевшие получили от государства короткое письмо с извинениями и признанием виктимного опыта адресата. В такой форме пострадавшие впервые услышали слова сожаления от официальных органов. Некоторые получают компенсацию — в среднем около 20 тысяч новозеландских долларов, что довольно мало по сравнению с законодательствами других стран. Однако для того, чтобы получить эту сумму, пострадавший должен подписать документ о том, что впредь не будет подавать юридических исков. И вот новый поворот: получившие компенсацию теперь сталкиваются с намерением Министерства урезать им социальные выплаты на том основании, что они якобы получают чересчур много финансовой помощи.

Однако существует два альтернативных способа получить компенсацию. Во-первых, пострадавшие всё ещё могут подать судебный иск. Впрочем, государство часто пользуется юридическими тонкостями, чтобы минимизировать требования истца. Например, потерпевшим заявляют о невозможности взыскания в связи со сроком давности.

Кроме того, госорганы могут отказать истцу в бесплатном адвокате, особенно если они убеждены, что по дальнейшим искам не будет принято положительных решений.

Во-вторых, в период с 2008 по 2015 г. пострадавшие получили возможность рассказать о своём опыте, придя в Конфиденциальную службу психологической помощи, и затем получить ограниченную компенсацию: десять сеансов у психолога, помощь в поиске родственников и т. д. Однако, как очевидно из названия Службы, она соблюдает конфиденциальность, а, следовательно, не предаёт публичной огласке заявления о насилии. Как сказала Сью: «У нас не вестминстерская правовая система, а крестминстерская»¹, которая прилагает все усилия, чтобы не допустить разглашения информации о серьёзнейших случаях насилия и ущерба, нанесенных представителями государства.

Замалчивая истории о пренебрежительном отношении со стороны государства, о маргинализации и жестоком насилии в отношении детей-сирот в прошлом, мы не делаем лучше жизнь пострадавших. Ведь насилие продолжается, если его не разоблачают. Напомним о некоторых действиях государства, наносивших вред детям: карцеры в школах, длительные заключения в специальных комнатах, необоснованные наказания в молодёжных и семейных интернатах, постоянное перемещение ребёнка из одного детского дома в другой. Замалчивая прошлое, государственный процесс лишь укрепляет социокультурную и институциональную терпимость к разрушительным практикам.

В других странах практикуются более адекватные подходы. Открыто рассказываются тяжёлые жизненные истории, признаётся роль государства в травмирующем опыте, проводятся связи между насилием, пережитым в детстве, и долгосрочными психологическими последствиями. Пострадавшие получают поддержку, для каждого случая отдельно определяется мера возмещения, выносятся публичные извинения. Признание государством-виновником своей ответственности за бесчеловечные акты насилия — необходимая форма моральной компенсации, которая может помочь огромному числу травмированных людей, живущих в стыде, страхе, отчаянии и скорби. Возможно, стоит организовать Комиссию по признанию, компенсации и недопущению насилия, которая бы официально признала ущерб, нанесённый государственными органами. Это могло бы потерпевшим примириться со своим прошлым. Признание государством своей вины перед ними должно стать национальным приоритетом. ■

¹ В оригинале *axminster* — игра слов, связанная с «ax», что значит «поставить крест на чём-то» (прим. пер.)

Корреспонденцию направляйте Элизабет Стэнли <elizabeth.stanley@vuw.ac.nz>

> Общественная активность и мир науки

Дилан Тейлор, Университет королевы Виктории в Веллингтоне, Новая Зеландия

Цитата из Малкольма Икса для вдохновения экспертов леворадикального аналитического центра «Экономические и социальные исследования Новой Зеландии».

Парламентская политика Аотеароа — Новой Зеландии находится в тупике. Пятое национальное правительство страны, которое, скорее всего, останется у власти и на следующий срок, продолжает неolibеральный курс, начатый четвертым правительством лейбористов в 1984 г. Этот курс характеризуется снижением налогов, повсеместной приватизацией и изменением трудового законодательства на основании интересов работодателей. Исход оказался предсказуемым: повышение уровня неравенства, увеличение числа бездомных, распространение прекарности на рынке труда.

Партии лейбористов и зеленых, связанные меморандумом понимания в преддверии выборов 2017 года, публично заявили о «бюджетной ответственности» в случае, если они выиграют выборы. Подразумевается, что «дела будут вестись как всегда», хотя и с маленькими уступками тем, кто находится в самой худшей ситуации. Как и во многих других развитых демократиях, в Новой Зеландии снижается уровень явки на выборах и распространяется цинизм в отношении политики. Этот тренд вряд ли преодолет коалиция лейбористов и зеленых.

За пределами парламентской политики возникают инновационные проекты, бросающие вызов неolibерализму. Вместе с коллегами из других общественных дисциплин социологи играют важную роль в оживлении культуры критики и надежды, а также в создании контргегемонных институтов.

К таким многообещающим событиям можно отнести и основание радикально левого исследовательского институ-

та экономических и общественных исследований Аотеароа — Новой Зеландии (*Economic and Social Research Aotearoa, ESRA*), запуск журнала «Контрбудущее: левая мысль и практика в Аотеароа — Новой Зеландии» (*Counterfutures: Left thought & practice Aotearoa*), объединившего голоса активистов и ученых, а также проведение ежегодной конференции «Общественные движения, противостояние и социальные изменения» (*Social Movements, Resistance and Social Change, SMRSC*). Все три начинания — воплощение идеологии сопротивления неolibеральному статус-кво.

Институт ESRA был основан в 2016 году. Толчком для его создания стала защита докторской диссертации Сью Брэдфорд, изучавшей целесообразность создания левого исследовательского института в Аотеароа — Новой Зеландии. Д-р Брэдфорд, в прошлом член Парламента от Партии зеленых, давно занималась изучением угнетенных и бедных групп населения. Она сумела объединить ученых и активистов, чтобы развивать «культуру сопротивления, солидарности и надежды, информированной о проблемах и надеждах эксплуатируемых, угнетенных и маргинализованных» (<https://esra.nz/about/>). Первые проекты были посвящены жилищному кризису, переосмыслению экономического планирования, а также обсуждению новых форм политической организации.

Программа (то есть *каурара*, «цель» на языке маори) организации ESRA четко ориентирована на признание суверенитета маори в Аотеароа — Новой Зеландии. Автономия была обещана коренному населению в Договоре Вайтанги, документе, подписанном во время основания государства, но не принимавшемся во внимание ни од- >>

ним правительством до сих пор. Инициатива стремится изучить стратегии «практического ухода от капитализма и колониализма», руководствуясь идеей, что важные и ценные формы знания, «приходящие снизу», жизненно необходимы для реализации альтернативных форм социальной организации. Эта мудрость становится всё более актуальной для социальных наук.

Подобными мотивами руководствовались и создатели нового журнала «Контрбудущее». Его цель заключается в том, чтобы «вмешаться и обновить дебаты о том, как следует понимать, представлять и оказывать влияние на наше общество, политику, культуру и окружающую среду» (<https://counterfutures.nz>). Это начинание стремится способствовать диалогу между академическими исследователями и знанием, произведенным местными сообществами, активистскими организациями и профсоюзами. Помимо публикации рецензируемых научных статей, журнал также публикует заметки о современных политических и социальных вопросах, а также интервью с активистами и учеными. Журнал широко доступен в независимых книжных магазинах и ведущих университетских библиотеках, он также публикуется бесплатно онлайн в течение полугода с момента соответствующего выпуска. Этот подход означает, что журнал не скрыт от широких слоев общества из-за платного доступа к контенту. То, что его аудитория крайне разнообразна, доказывает существование обширного интереса к альтернативному мышлению, основанному на новейших исследованиях и изучении новых возможностей политической организации.

В первых трех номерах «Контрбудущего» вышли статьи авторов с разнообразным бэкграундом — представителей ЛГБТКИ-сообщества, социологов, активистов маори, психологов, сторонников тюремной реформы, философов, групп по борьбе с бедностью, историков, профсоюзных деятелей, криминологов, экологов, а также исследователей коммуникаций. Журнал наводит мосты между исследователями и активистами и отличается высоким уровнем междисциплинарности.

Аналогичный дух свойствен и ежегодной Конференции SMRSC. Впервые она была организована в 2014 г. недавно приехавшим в Новую Зеландию турецким академиком Озаном Надиром Алакавукларом, и с тех пор её масштаб значительно вырос. В третий раз ее посетили 400 человек. Конференция считается ключевым событием для внепарламентских левых. Впервые с 1970 года одно мероприятие смогло собрать столько людей с таким разнообразным бэкграундом. Выступления на Конференции освещали такие темы, как суверенитет маори, альтернативные подходы в экономике, будущее оплачиваемой занятости, тихоокеанский активизм, климатическая справедливость, здоровье и права людей с ограниченными возможностями, а также современное профсоюзное движение. Важно, что участниками Конференции были как активисты, так и ученые (<http://counterfutures.nz/2/editorial.pdf>).

Сталкиваясь с трудностями, возникающими из-за разнообразия состава выступающих, участники и организаторы стараются справиться с ними конструктивно, не замалчи-

вая и не преуменьшая их значение. В 2015 году развернулась дискуссия о различиях активистского и академического подходов к производству и распространению знания. В результате темой конференции 2016 года был «Разрыв между академическим и активистским подходами». Конференция 2016 г. выявила неугасающие конфликты между маори и пакеха (новозеландцами европейского происхождения), и в результате дебатов было принято решение назвать конференцию 2017 года «*Ka hawhai tonu mātou*» («За пределами капитализма и колониализма») (<https://esra.nz/socialmovements2017/>).

Несмотря на рост показателей неравенства и потерю интереса к парламентской политике, на наш взгляд, существуют основания для сдержанного социального оптимизма. Во-первых, разнообразие сотрудничающих акторов сигнализирует о новой волне объединения внепарламентских левых. Как и во многих развитых странах, в Аотеароа — Новой Зеландии была заметна фрагментация левых сил. Один из основных водоразделов проходит между левыми материалистами и сторонниками политики идентичности. Несмотря на сохраняющиеся разногласия, новые инициативы по сотрудничеству указывают, что это отнюдь не две несовместимых позиции и что эффективные социальные изменения основываются на признании диалектической переплетённости материального и культурного.

Во-вторых, новые инициативы демонстрируют рост легитимности и признание инновационного характера знаний, которые производят общественные движения. Для тех, кто работает в мире науки, такой сдвиг также подразумевает необходимость адаптации исследований к нуждам активистов. В современном контексте, очевидно, возрастает значимость публичной социологии и развивающегося поля активистских исследований. Несомненно, большое значение имеет научный вклад Линды Тухивай Смит, исследовательницы и представительницы коренного населения. Продуктивное поле новых знаний формируется тогда, когда мы комбинируем знание, произрастающее из конкретной общественной борьбы, со знанием, произведенным в академии.

Наконец, сотрудничество разнообразных акторов и спектр знаний, появляющийся в результате этого сотрудничества, лежат в основе контррежимного проекта. В рамках этого проекта сформулирован чрезвычайно важный вопрос: как бы мы могли иначе организовать общество? Постановка этого вопроса и попытки ответить на него подразумевают обновление концепции равенства, поиск новых форм политической и экономической организации, деколонизации и инициирования более устойчивых экологических практик. Проект еще совсем молод и хрупок, но последствия мирового финансового кризиса 2008 года показали, что если альтернативы отсутствуют, приходится довольствоваться «ведением дел как всегда». Инициативы Новой Зеландии, в которых активисты и учёные объединяются для сотрудничества, обещают нам лучшее будущее. ■

Корреспонденцию направляйте Дилану Тейлору <Dylan.Taylor@vuw.ac.nz>

> Навстречу автохтонной криминологии

Роберт Уэбб, Оклендский университет, Новая Зеландия

Славное прошлое маори символизирует старинное изображение предка, печально смотрящего на тяжёлое социальное положение народа маори сегодня.

Фотомонтаж Арбу, изображение предоставлено сервисом Freepik.

Социальная маргинализация коренного населения маори в Новой Зеландии проявляется в непропорционально высоком уровне криминализации и виктимизации членов этого сообщества. В подобном же положении находятся коренные народы других стран — бывших английских колоний, где местное население в прошлом подвергалось притеснениям со стороны колонизаторов. Маори представляют собой национальное меньшинство — лишь 15% общего населения Новой Зеландии. Они чаще, чем другие жители, становятся жертвами арестов, обвинительных приговоров и уголовного наказания. Несмотря на то, что Новая Зеландия известна новаторскими практиками реституционного правосудия, основанными на традициях маори, количество заключённых в стране остаётся сравнительно большим. Такая ситуация особенно пагубна для маори — ведь 50% мужчин и 60% женщин, отбывающих срок в новозеландских тюрьмах, принадлежат к этому сообществу. По общему признанию, система не справляется с уровнем преступности, и данная ситуация ведёт к абсолютному социальному

исключению детей и членов семей заключённых. Тем не менее, по последним сообщениям, вероятнее всего, списки лишённых свободы продолжают расти.

Начиная с колониальной эпохи и по сегодняшний день меры уголовного правосудия в отношении маори получают различные обоснования. В разные периоды истории Новой Зеландии представители государственных органов и чиновники пытались объяснить уголовную преступность среди маори как социальную проблему, предположительно связанную с традициями и структурой коренных сообществ маори. В настоящее время большинство аналитиков считают, что маори находятся в группе риска и больше, чем другие группы населения, подвержены криминогенным факторам. Маори конструируются как нуждающаяся категория населения, требующая активного государственного вмешательства. Большая часть мер по решению проблемы преступности среди маори опирается на американские и британские теоретические и эмпирические работы, в которых исследуется совершенно иной контекст. Тем не менее,

>>

социальный контроль над маори основывается именно на этих научных данных. При этом в большинстве случаев игнорируются социальные и культурные различия между группой, в отношении которой применяются определённые теории, и социальными, историческими и культурными контекстами появления этих теорий.

Уже не одно десятилетие маори бросают вызов системному расизму, пронизывающему государственную политику и уголовно-исполнительную систему Новой Зеландии. Критика расистского подхода представлена в докладе Моаны Джексона «Маори и система уголовного правосудия» (*The Māori and the Criminal Justice System – He Whaipānga Hou*, 1988), где уголовная система рассматривается с позиции маори. В данной аналитической работе описываются социально-исторические процессы, повлиявшие на жизнь маори, в том числе колонизация и навязанная английская система правосудия. Этот доклад имеет большое значение для критического понимания новозеландской уголовной системы в целом и того, каким образом культурные ценности влияют на различные практики и подходы в области правосудия.

Разумеется, государство предпринимало попытки реформирования системы правосудия с учётом культурных различий и с целью устранения системных недостатков, вызывающих озабоченность у маори. Так, например, с 1989 г. в систему ювенальной юстиции было внесено несколько изменений, в том числе введена практика проведения групповых конференций с семьями и вступил в силу «Акт 1989 о детях, молодёжи и их семьях» (CYPFA). Цель этих правовых нововведений — вывести несовершеннолетних преступников из-под юрисдикции официальной судебной системы, заменив судебное разбирательство конференцией — очной ставкой, в которой участвуют правонарушитель, потерпевший и их семьи. По некоторым данным, такой стиль правоприменения опирается на философские принципы маори, согласно которым *социальные отношения представляют собой коллективную ответственность* (курсив ред.). Однако несмотря на возможность проведения семейных конференций, всё больше детей и молодёжи в возрасте от 10 до 16 лет, относящих себя к маори, привлекаются к уголовной ответственности судом по делам несовершеннолетних. На данный момент доля маори среди несовершеннолетних преступников достигает 62%.

Некоторые исследователи отмечают, что модели правосудия, основанные на очной ставке, не вносят никаких фундаментальных изменений в базовые философские принципы или структуры государственного правосудия. Государственная власть продолжает поддерживаться с помощью других форм социального контроля. Хуан Таури утверждает, что семейные конференции, по большому счёту, не являются исконной практикой маори и опираются лишь на некоторые обычаи коренного населения Новой Зеландии. По мнению учёного, акт CYPFA был вдохновлён критикой, высказанной судьёй Робертом Джексоном в адрес этноцентричного правосудия. Кроме того, Таури считает, что в акт CYPFA включили некоторые элементы культуры коренного населения под давлением требований организаций маори. Однако, как замечает исследователь, семейные конференции фактически не являются частью автохтонной традиции, хотя эта практика, как правило, проводимая государственными служащими, и содержит некоторые черты обычаев маори.

Университетские социальные учёные-маори давно занимаются разработкой содержательных аналитических и критических подходов и пересмотром методов исследования социальных ситуаций. Многие из нас поддерживают развитие коренных сообществ в других странах мира. Работа Линды Смит «Методологии деколонизации» (*Decolonizing Methodologies*) побудила многих исследователей — маори и не только — изучить теории и методы, отдающие должное опыту и знаниям коренных народов. Подобным же образом многие из нас надеются разработать критическую криминологию, которая бы учитывала опыт маори, их понимание преступности и социального ущерба.

Государство занимает жёсткую административную позицию по отношению к преступности и применяет к правонарушителям карательные меры, одной из которых является тюремное заключение. Чтобы изменить эту ситуацию, необходимо отказаться от теоретических инструментов, игнорирующих социальную реальность маори. Социальные исследователи должны вступить в контакт с коренными сообществами и сформировать исследовательские партнёрские союзы, нацеленные на эмансипацию этих сообществ. При попытке создания автохтонной криминологии мы должны привлечь внимание к закономерностям в криминальной сфере, к коллективному опыту социального ущерба. Необходимо изучить роль государства и системы уголовных наказаний в формировании маргинального положения маори, ведущего к их преобладанию среди тюремных заключённых. Автохтонная криминология должна учитывать опыт тех, кто чаще всего сталкивается с системой правосудия. Для этого необходимо выйти за рамки привычного фокуса на административном контроле преступности, который до сих пор остается вопросом государственной важности.

Новые подходы будут уделять больше внимания тому, как колониализм, институциональный расизм и системное насилие осуществляют контроль над коренными народами и их маргинализацию. Пример такого анализа — исследование учёных-маори Трейси МакИнтош и Хайли Квинс, посвящённое тюремному опыту женщин-маори и проблемам, связанным с наследственной виктимизацией и мифами об их предрасположенности к преступлениям.

Автохтонная криминология должна вступить в диалог с опытом маори и включить в себя анализ социально опасных правонарушений и структурных условий, в которых они совершаются. Автохтонная криминология потенциально включает в себя исследование того, как в Новой Зеландии искажается или отрицается содержание договора Вайтанги, где прописаны отношения между сообществами маори и новозеландским государством. Также имеет смысл исследовать действия со стороны государства или других групп власти, наносящие вред маори и другим сообществам. Цель нового направления — деколонизация и предоставление возможности местным сообществам маори вершить правосудие согласно собственным традиционным культурным рамкам. ■

Корреспонденцию направляйте Роберту Уэббу <robert.webb@auckland.ac.nz>

> Его страстью было исследование досуга

Ишвар Моди.

Ранним утром во вторник 23 мая в Ахмедабаде (Индия) я получил звонок от профессора Б. К. Наглы с горестным известием о том, что профессор Ишвар Моди ушёл от нас в возрасте 76 лет. Есть люди, которые продолжают жить среди нас после смерти — ведь остаются их идеи, память о них и результаты их работы, выполненной с большой любовью. Профессор Ишвар Моди был одним из таких людей. В мировой и индийской социологии 2017 год запомнится уходом из жизни двух замечательных учёных: сначала мы потеряли профессора Д. Н. Дханагаре, теперь — профессора Ишвара Моди.

Профессор Моди начал свою научную карьеру в 1974 г. в качестве преподавателя факультета социологии Раджастханского университета в Джайпуре (Индия). Я поступил на работу туда два года спустя. С самого начала Ишвар Прасад Моди приобрёл популярность как у студентов, так и среди преподавателей общественных наук. Он защитил докторскую диссертацию в области исследований досуга под руководством незаурядного учёного, профессора Йогендры Сингха. Научная карьера Моди отмечена несколькими выдающимися достижениями. В частности, он возглавлял Индийское социологическое общество, а также занимал пост президента Раджастханской социологической ассоциации. Моди пришёл в мировую социологию в 1986 г., когда в Дели проходил Мировой конгресс МСА. Профессор мотивировал большое количество студентов принять участие в Конгрессе и других международных конференциях, а также призывал молодых преподавателей присоединиться к Международной социологической ассоциации.

>>

Профессор Моды был глубоко привержен распространению глобальных социологических знаний среди студентов, говорящих на хинди. Он сделал возможным издание хиндиязычной версии «Глобального диалога». Выпуск международного социологического журнала на хинди стало для профессора Моды не только миссией, но и сложной академической задачей. Я имел честь работать с ним над журналом и видел, как он предан этому проекту. Он всегда поддерживал равные, демократические отношения с членами команды переводчиков. Так как я не самый дисциплинированный человек, несколько раз «Глобальный диалог» выходил на хинди позднее, чем на других языках. Однако профессор всегда ценил мою работу и труд других членов редсовета — д-ра Рашми Джайн, д-ра Джьоти Сиданы, д-ра Прабхи Шармы, д-ра Нидхи Бансал и г-на Удая Сингха. Кроме того, профессор Моды участвовал в создании журнала Индийского социологического общества, издаваемого на языке хинди. Этот журнал регулярно издаётся по сей день, и в нём публикуются статьи высокого профессионального уровня. Результаты профессиональной деятельности профессора Моды приносят боль-

шую пользу студентам, изучающим социологию на языке хинди. Я надеюсь, что, несмотря на то, что профессор Моды ушел от нас, его дело будет продолжено, и хиндиязычное издание «Глобального диалога» будет и впредь публиковаться, отвечая научным интересам социологической аудитории Индии.

Будучи учёным широких интересов, профессор Моды сделал вклад во множество областей, включая исследования социальной защиты детства, молодёжных движений, положения рабочего класса и маргинальных слоёв общества, проблематики гендерного равенства. Он совершил множество поездок по Индии и по всему миру, и везде он представлял социологический взгляд на вопросы здравоохранения, бедности, экологии, демографии, общественных движений, электорального поведения и прав человека. Помимо основных научных интересов — социологии досуга, туризма и СМИ — профессор Моды внёс весомый вклад в развитие социологической теории. Его приверженность социологической профессии навсегда запомнится членам ИК МСА по социологии досуга (ИК13). Профессор Моды посетил с акаде-

мическим визитом почти все страны мира. Он написал множество книг и научных статей. Своим участием в общественном движении учителей и других видах социального активизма он снискал репутацию публичного интеллектуала и критического социолога.

Профессора Моды будут помнить и за уважительное и бережное отношение к людям. Он и его семья относились к каждому гостю дома с глубокой любовью, заботой и вниманием. Такие качества встречаются все реже. Для профессора Моды основным принципом отдыха и досуга было отношение к каждому человеку как к члену семьи.

Смерть профессора Моды стала огромной потерей для его семьи и близких. Миру социологии будет не хватать физического присутствия этого человека, но его пример всегда будет с нами. Прощайте, профессор Моды, социологическому сообществу будет Вас не хватать, но Вы навсегда останетесь в нашей памяти! ■

Раджив Гупта, президент Индийской ассоциации общественных наук

> ИСТОЧНИК ВДОХНОВЕНИЯ и поддержки

Ишвар Модии на фоне панорамы своего родного города, Джайпура.

Профессор Ишвар Модии покинул нас в мае 2017 года после долгой борьбы с раком, во время которой он продолжал поддерживать и вдохновлять новое поколение индийских социологов и социологов досуга во всём мире. Его смерть – невосполнимая утрата для индийской социологии, для социологии досуга и для всего научного сообщества.

Ишвар пришёл в Исследовательский комитет MCA 13 (по социологии

досуга), будучи уже всемирно известным социологом, специализирующимся на изучении свободного времени и туризма. Возглавив ИК13 в эпоху перемен, он подошёл к своим обязанностям президента с решительностью и рассудительностью. Ему удалось привлечь множество новых участников в MCA и конкретно в ИК13. Будучи несколько раз избран президентом, помимо выполнения административных обязанностей Модии успевал заниматься масштабными исследовательскими

>>

проектами, публиковать множество монографий и сборников. Последний сборник статей под его редакцией — *Leisure, Health and Well-Being* («Досуг, здоровье и благополучие») — был издан совсем недавно, в апреле этого года, при участии двух коллег-соавторов из ИК13. Как президент Моды представлял ИК13 в Исполнительном комитете МСА и успешно сотрудничал с другими членами Исполнительного комитета.

Помимо ИК13 и МСА, Ишвар занимал посты в двух других организациях. Он был избран в Совет директоров Всемирной ассоциации по вопросам досуга и отдыха — ведущей международной туристической организации — и пользовался настолько высокой репутацией, что получил почётное пожизненное членство. Второй организацией, где активно работал Моды, было Индийское социологическое общество,

наградившее его Премией за профессиональные достижения в 2015 г. за развитие индийской социологии и вклад мирового уровня в социологические исследования и преподавание социологии.

Коллеги по комитету ИК13 глубоко переживают уход Ишвара. Чтобы смягчить горечь утраты, мы делимся друг с другом светлыми воспоминаниями о нашем друге и коллеге, выражая благодарность за его труды. Все мы помним о первой встрече с Ишваром, ставшей началом долгой дружбы. Мы все: и старые, и новые члены ИК13 — переживаем боль утраты. Ишвар был не только нашим экс-президентом, но и нашим наставником, учителем и просто человеком, который сердечно заботился о том, чтобы мы чувствовали себя членами дружеского профессионального сообщества. Именно Ишвар сформировал наш инклюзивный,

учитывающий особенности каждого, подход к принятию решений в ИК13, к проведению мероприятий МСА и промежуточных конференций Комитета. Лично для меня работа Ишвара в ИК13 и МСА имела огромную ценность, и я всегда буду благодарна ему за поддержку и участие. Впервые мы встретились в Венгрии на конференции ИК13; до этого мы обменивались множеством электронных писем. Мне, как и всем участникам ИК13 и МСА, очень грустно, что я никогда его больше не увижу. В то же время мы рады, что нам довелось знать Ишвара Моды и быть частью его мира. ■

Карл Спраклен, Городской университет Лидса, ВБ, вице-президент и исполнительный секретарь Исследовательского комитета МСА по социологии досуга (ИК13)

> Представляем турецкую команду редакторов

Гюль Чорбаджогу и Ирмак Эврен, Ближневосточный технический университет, Турция

В январе 2015 года мы стали издавать версию «Глобального диалога» на турецком языке. Наша команда состоит из двух человек: Гюль Чорбаджогу и Ирмак Эврен. Мы являемся аспирантками Ближневосточного технического университета в Анкаре. Наш друг Ахмет Сейхан Тотан помогает в форматировании наших выпусков.

Нам очень нравится следить за социологическими дебатами во всем мире и переводить новости об интересных событиях на турецкий язык. Однако, помимо прочего, это, несомненно, сложная задача и затратный по времени процесс. Это больше, чем переводческий проект: нам нужно трансформировать английский «Глобальный диалог» в турецкий *Küresel Diyalog* и создавать целостный журнал. Процесс начинается с момента получения английских текстов нового выпуска «Глобального диалога». Прежде всего мы учитываем структуру издания и разделяем тексты статей на тематические кластеры: иногда можно выделить кластер статей по определенной проблеме, а иногда группа статей посвящена развитию социологии в конкретной стране. Затем мы делим группы статей между собой в соответствии с нашими интересами. Так мы стараемся сделать перевод наиболее полезным для своего профессионального роста. Затем мы интенсивно работаем, чтобы уложиться в дедлайн. Команде из двух человек для этого требуется немало упорства и ответственности!

Когда мы заканчиваем перевод текстов, мы ими обмениваемся, чтобы не только перевести и отредактировать статьи, но и прочитать их. Мы считаем, что редактор, действующий в качестве читателя, а не переводчика, имеет возможность посмотреть на журнал с точки зрения аудитории — сообщества социологов и тех, кто интересуется социологией. Сталкиваясь с терминами, которые, по-видимому, невозможно перевести на турецкий язык, мы из опасений, что при буквальном переводе они потеряют смысл, изучаем соответствующую литературу на турецком языке и консультируемся у наших профессоров, чтобы выяснить, был ли этот термин уже переведен на турецкий, и если нет, как мы могли бы перевести его. Там, где мы считаем это уместным, мы используем очень красочный спектр турецких пословиц и идиом. Переведя все, включая подписи к изображениям, мы отправляем тексты нашему другу Сейхану, который является экспертом в области техники дизайна. Когда макет завершен, мы делаем окончательную проверку. Наконец, мы с гордостью смотрим на новый выпуск *Küresel Diyalog*!

Как только журнал появляется на сайте МСА, мы оповещаем об этом наше сообщество, университетских коллег и просто заинтересованную публику. Перевод «Глобального диалога» познакомил нас со множеством социологических проблем и интересных стран. Переводя номер за номером, мы стараемся, чтобы ГД получил большее распространение. ■

Ирмак Эврен получила степень бакалавра наук по экономике и менеджменту в Стамбульском университете Бильги и Лондонской школе экономики и политических наук. Она продолжила свое образование, изучая экономику в Сорбонне и исследования медиа в Галатасарайском университете Стамбула. В настоящее время она обучается в аспирантуре по социологии в Ближневосточном техническом университете в Анкаре, где изучает исламофобию и транснациональные религиозные организации турецких мигрантов-мусульман во Франции. Она также преподает на факультете кино и телевидения Оканского университета в Стамбуле.

Гюль Чорбаджогу получила степень бакалавра искусств по международным отношениям в Билькентском университете в Анкаре, а также степень магистра наук по социологии в Ближневосточном техническом университете в Анкаре, где она обучается в аспирантуре по социологии. Ее диссертация посвящена трансформации профессиональной автономии и авторитета турецкой медицинской профессии. Часть своих исследований она проводила в качестве приглашенного научного сотрудника факультета социологии Йоркского университета в Великобритании. В настоящее время она преподает на факультете политических наук и государственного управления Билькентского университета. В сферу ее интересов входят медицинская социология, социология профессий, социология труда и организаций, а также гендерные исследования.

Корреспонденцию направляйте:
Гюль Чорбаджогу <gulcorbacioğlu@gmail.com>
Ирмак Эврен <irmakevrenn@gmail.com>